

Рита Навьер
Это не любовь

«Литнет»

2018

Навьер Р.

Это не любовь / Р. Навьер — «Литнет», 2018

Не каждая сможет на спор поцеловать незнакомого парня в клубе. Юлька смогла. Стыдно, конечно. Зато спор выиграла. Ну а несколько секунд позора скоро забудутся. Так думала она, пока не узнала, что тот самый парень из клуба - их новый преподаватель. Притом надменный, строгий и жутко принципиальный...

© Навьер Р., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	11
5	13
6	14
7	16
8	18
9	20
10	21
11	23
12	24
13	26
14	28
15	29
16	31
17	33
18	34
19	36
20	37
21	38
22	39
23	40
24	42
25	43
26	45
27	46
28	47
29	48
30	50
31	52
32	54
33	55
34	57
35	58
36	60
37	61
38	62
39	64
40	66
41	68
42	70
43	71
44	73
45	74
46	76

47	78
48	79
49	80
50	82
51	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

1

Юлька сходила с ума. Лёша ушёл вчера днём «перетереть кое-что важное с другом». Но уже следующий день на излёте, а от него ни слуху ни духу.

В очередной раз набила: «*Лёша, ты где? Позвони!!!*»

Неизвестно какая по счёту смс-ка опять улетела в сетевое пространство как в пустоту. Звонки тоже оставались без ответа.

Вообще, атаковать смс-ками, названивать, рваться в закрытые двери - не её стиль. Но вот, бывало, накатывало. И тут уж вся сдержанность, все резоны летели к чертям. Один раз удалось дозвониться до Лёшиного друга.

- Лёша там что, умер? - начала сразу с наезда.

- Нет, - удивлённо пролепетал тот.

- Оглох? Онемел? Руки-ноги ему переломали? - стремительно заводилась Юлька.

- Нет, всё с ним норм, - заверил друг, по голосу пьяненький.

- Тогда какого хрена?! А ну дай-ка его сюда!

- Юль, он это... как раз отошёл на минуту. Я ему передам, чтоб тебе перезвонил.

- Нет уж!

Но друг уже отключился.

Конечно, сволочь-Лёша не перезвонил.

Зато позвонила мама, спрашивала про институт, про грядущую сессию, про всякую всячину и, конечно же, про Лёшу. Как он, где он, ладят ли.

- Конечно, ладим! Он же меня так любит. Сейчас он по делам кое-куда отъехал, вечером будет, - соврала Юлька убедительно.

- Какие дела могут быть у бездельника?

Вопрос был риторический. Мама Лёшу откровенно не любила. Когда Юлька в девятом классе начала встречаться с ним, десятиклассником, мама метала громы и молнии. Не выпускала Юльку гулять, ходила к Лёшиной матери скандалить, самого его как-то отходила сумкой и буквально спустила с лестницы - просто пришла раньше времени с работы и застала «гостя». И это они просто пили чай в Юлькиной комнате.

Маму её побаивались все: соседи, коллеги, продавцы в магазинах, коммунальщики. Дома тоже с мамой никто не спорил: ни папа, ни старший брат, ни сама Юлька... до поры до времени. А потом как вожжа под хвост попала.

«Не пустишь гулять, - заявляла, не дрогнув, - не буду есть. Совсем. Умру от голода, пофиг».

И ведь не ела. Ни взгляды испепеляющие, ни угрозы, ни ремень не действовали. Упрямая.

В конце концов, мама уступила, но предупредила сразу: «Ляжешь под него - выгоню из дома. Шалавы мне тут не нужны».

2

Два года они с Лёшей встречались. Гуляли, отрывались на дискотеках, обнимались-целовались по подъездам. Пока он не закончил школу и не уехал в город, где поступил в политех.

Поначалу он и правда часто звонил, потом – всё реже, реже.

«Ты просто не понимаешь, – оправдывался, – в большом городе совсем другой ритм жизни. Мне постоянно не хватает времени. Я ничего не успеваю. Не высыпаюсь страшно. Ем на бегу. Проект у меня подвис, а без него не дадут доступ к сессии. Ещё зачёты... Но я скучаю!».

Мама фыркала и отпускала шпильки, но потом, глядя, как Юлька бродит по дому унылой тенью, лишь ворчала: «Наплюй на этого шалопаю. Гордость надо иметь. Посмотри, какая ты красотуля. Таких Лёш у тебя ещё вагон будет».

Юлька, может, и послушалась бы мать, но Лёша же сказал – скучает. Значит, надо приналечь на учёбу, сдать ЕГЭ и тоже поступить в институт. К сожалению, политех ей, гуманитарю до мозга костей, не светил даже призрачно, хоть как там налегай. Физика, математика для неё – непролазные дебри. Ну и ладно, думала, поступить можно куда угодно, лишь бы в город вырваться. Жить ведь они вместе будут – это главное.

Оказалось, не главное. Поступила, живут. Но всё плохо. И день ото дня только хуже. От прежнего Лёши осталась только внешность. Да и внешность уже не та. Теперь у него пирсинг на брови, вместо привычного милого «ёжика» – модный «андеркат», татуировка инь-янь на плече.

Про «пожениться» Лёша даже не заикался больше. Зато ругались как черти. Теперь вот ещё загулы начались.

Юлька бесилась, страдала, пропускала занятия, врала матери. А та, как чувствовала, звонила каждый день, точно по расписанию. Сначала допрашивала, потом нагнетала.

– До сих пор не пойму, как он, бестолочь такая, умудрился поступить, ещё и продержаться почти два курса... – ворчала. – Видела тут на днях его мать, он ей даже не звонит, паршивец.

«Он даже мне не звонит», – подумалось с горечью.

Естественно, такое говорить нельзя, иначе понеслось бы: «А чем ты думала, дура? Явно не головой. Мать надо было слушать, если своих мозгов нет...». И это она ещё не знает, что Юлька с горем пополам сдала зимнюю сессию и вполне может завалить летнюю.

После разговора с мамой на душе стало совсем тошно.

3

Лёша пришёл под утро. С порога заявил, обдавая сивушными парами:

- Даже не начинай! Меня уже достали твои упрёки, и ты сама мне вот где, - Лёша полоснул ребром ладони по горлу.

Юлька изумлённо тарацилась - так он ещё никогда не распускался. Видать, и впрямь пьяному море по колено. От неожиданности все хлёсткие фразы из головы повылетали. А Лёша, заметив, как она обескуражена, расходился ещё больше:

- Какого хрена ты моим друзьям названивала? Сама позорила и меня позорила перед всеми. Пацаны ржали надо мной. Выставила себя душой истеричной, а меня подкаблучником.

- Я бы не названивала, если бы ты хоть раз ответил!

- Не отвечал - значит, не мог.

- Или не хотел?

- Или не хотел.

- Сволочь!

- Дура!

Юлька не выдержала и вlepила пощёчину. Пьяный Лёша не успел среагировать, как обычно, не успел перехватить руку, и несколько секунд смотрел на неё ошалело, держась за щеку. Потом взревел:

- Совсем рехнулась, психопатка! Дикарка чокнутая! Посмотри на себя - тебе в психушке самое место. - Потом добавил спокойно: - А знаешь что, это даже хорошо. Потому что всё! С меня хватит! Я больше не могу быть с тобой. Не могу всё это терпеть. С тобой вообще невозможно...

Его слова нещадно жалили, разъедаая душу, и без того изболевшуюся.

- А когда-то тебе было невозможно без меня, сам так говорил, - тихо произнесла Юлька.

Запал его сразу потух. Лёша отвёл взгляд. Вздохнув, прошёл на кухню, поставил чайник, сам встал у окна, опершись ладонями в подоконник. Чайник вскипел, отключился, а он так и стоял.

- У тебя кто-то есть? - не выдержала долгого молчания Юлька.

Лёша ответил не сразу. То ли слова подбирал, то ли неловкость пытался перебороть.

- Я не хотел, чтобы так получилось. Прости.

- Кто она? - Юлька до боли закусилa нижнюю губу.

- Да какая разница? Ты всё равно её не знаешь.

- И давно вы? Ведь давно, да? Ты у неё эти дни пропадал, а не... где ты там говорил... у друзей?

Лёша повернулся, взглянул виновато.

- Я правда не хотел делать тебе больно. Я ведь правда раньше любил тебя. И не знаю, почему... и куда всё это делось. Я честно пытался, но... Слушай, Юль, давай останемся друзьями. Тебе необязательно съезжать прямо сейчас. Сдадим сессию, а там уж...

Каждое его слово - как бритвой по сердцу. Юльке казалось, что внутри и места живого уже не осталось - сплошная кровоточащая рана. Хотелось орать, бить посуду, его приложить как следует и, в то же время, умолять, чтобы передумал, не бросал её. Однако в кои-то веки ей удалось обуздать порывы и на удивление спокойно, даже с подобием усмешки, ответить:

- Ты совсем дурак, Степнов? Какие друзья? Или это ты так с совестью своей пытаешься договориться?

- Ну что ты опять начинаешь? - начал раздражаться Лёша. - Я просто хочу по-хорошему расстаться. Как нормальные люди. А ты вечно всё усложняешь.

- По-хорошему - это как? Как вообще вот эта ситуация может быть хорошей? Ты мне говоришь, что я тебе больше нафиг не нужна, а я улыбаюсь и отвечаю: «Ладно, дорогой. Отчаиваюсь». Так тебе хочется?

- Юля... Я просто не хочу скандалов, это ведь ничего не даст. Ни мне, ни тебе.

- Понимаю. Ты хочешь, чтобы тебе было хорошо, удобно, комфортно. И плевать, каково мне. Так вот нет, Степнов, нельзя расстаться по-хорошему, когда для одного - это трагедия!

- Скажешь тоже, Юль... Ну, какая трагедия? Трагедия - это когда кто-то умер. А вот это всё... ну, неприятно, тяжело. И мне тяжело. Но такое случается. Со всеми. Люди постоянно сходятся и расходятся.

- Да плевать на других людей! - кричала Юлька. - Что мне другие люди? Мне - плохо! Для меня это трагедия. И я умерла внутри. А вот это: «Давай останемся друзьями» - самое гнусное и трусливое, что только можно сказать, когда бросаешь человека, которого ты клялся любить всегда. Которому обещал жениться...

- Хорошо, - разозлился Лёша. - Что ты предлагаешь? Чтобы я выполнил своё обещание? Женился на тебе?

Она посмотрела на него с горечью.

- Я предлагаю не юлить. Если уж ты поступаешь по-скотски, то имей смелость это признать.

- Но я ведь не нарочно. Я не хотел этого. Знаешь же - сердцу не прикажешь. Юль, ну прости. Ты классная...

- Правда? А полчаса назад ты сказал, что я дикарка и место мне в психушке.

- О-о-о, снова-здорово. Ну как тебе ещё...

Юля не дослушала, развернулась, устремила в комнату. Внутри колотилась болезненная истерика. Стиснув до скрежета зубы, она швырнула на диван большую спортивную сумку. Следом полетели из шифоньера кофты, джинсы, юбки, бельё. Главное, сейчас что-то делать, чем угодно занять руки, мысли, не дать истерике вырваться наружу, потому что тогда, чувствовала Юлька, она окончательно сломается. Будет реветь, просить, унижаться. А это нельзя. Никак нельзя. Иначе потом сама себе станешь противна.

Юлька беспорядочно засовывала одежду в сумку. Набив до упора, вжикнула молнией. Достала рюкзак, туда - книги, тетради, флешку, зарядку, косметичку. Оставались ещё зимние вещи и всякое по мелочи, но это она заберёт потом.

- Ну и к чему это? - появился в дверях Лёша. - Что за показательное выступление?

- Догадайся с одного раза, - процедила Юлька, метнув в него злой взгляд. Всё-таки злость - это хорошо. Злость не даёт скинуть, держит в тонусе, подстёгивает, что сейчас ей как раз и нужно.

- Ну это же глупо. Куда ты пойдёшь? В такую рань. Даже транспорт ещё не ходит.

- А не всё ли тебе равно?

- Нет, не всё равно, что бы ты там обо мне ни думала. Я не могу тебя так просто отпустить.

- В самом деле? А что сделаешь? Свяжешь? Наручниками пристегнёшь к батарее? Или будешь слёзно умолять? Ну давай, Степнов, я послушаю.

Юлька, подхватив рюкзак и сумку, оттолкнула его и прошла в коридор. Лёша поплёлся следом.

- Юль, ну что ты как маленькая? Ну подумай сама, куда ты сейчас пойдёшь?

- Не куда, Степнов, а откуда. Это главное.

- Да погоди ты, давай всё обсудим? Я помогу тебе найти комнату. Помогу вещи перевезти.

Юлька надела кроссовки, накинула джинсовую куртку, забросила на плечи рюкзак. Отмкнула замок, вышла в подъезд, волоча за собой громоздкую сумку. Лёша ещё бубнил вслед, что зря она горячится, но Юлька отметила - задерживать-то не стал. Мог бы, запросто, по сравнению с ним она - пигалица, тонкий стебелёк. Но он даже не подумал, а скорее всего, ещё и

рад, что так быстро избавился от надоевшей подруги. А все эти слова «подожди-не уходи» - просто для самоуспокоения.

4

Как же обидно, как больно. И как унизительно!

У Юльки вырвался судорожный всхлип. Горло тотчас свело спазмом, веки противно зажгло. Ой нет, только не это. Во всяком случае, не сейчас. Потом поплачет, наедине с собой, а пока надо где-нибудь остановиться.

Она сделала глубокий вдох, задержала, выдохнула. Сморгнула раз-другой. Вроде слегка отпустило. Точнее, затаилось, готовое в любой момент, при малейшей слабости, рвануть наружу.

До остановки Юлька плелась четверть часа по ещё пустынным улицам, подёрнутым нежно-розовой дымкой майского утра. Неудобная сумка отбила все ноги, ручка впилась в пальцы, оставляя глубокие, багровые борозды. Но это всё мелочи, главное - куда податься, вот вопрос.

Вариантов, собственно, раз-два и обчёлся. Либо к тётке - в Радищево, либо к девчонкам-бывшим одноклассницам - в Первомайский, где они снимали однокомнатную квартиру на троих.

Тётку решила оставить на крайний, совсем уж безысходный случай - та ведь сразу донесёт матери. Ну а с девчонками можно было договориться, попросить, в конце концов, по-человечески, чтобы те не распускали сплетни.

Юлька покорно ожидала маршрутку, наблюдая, как начинал пробуждаться город. Показались дворники в оранжевых робах, зашоркали по тротуарам метлами, продребезжал первый трамвай.

Она всегда любила май. Вся эта радостная возня: многоголосый птичий щебет, свежая листва на ветру, одуряющий запах черёмухи - вызывали в ней детский восторг. Но не сейчас. Сейчас - наоборот. Окружающее так резко контрастировало с собственными внутренними ощущениями, что казалось какой-то жестокой насмешкой.

Наконец пришла нужная маршрутка. К счастью - полупустая. Иначе она бы чёрта с два втиснулась в узкое нутро со своей поклажей.

«Сегодня же суббота», - вспомнила Юлька.

Не так давно она и выходные любила...

Как примут её девчонки, где она приткнётся в их однушке, как вообще жить дальше, у Юльки и мысли не возникало. Она не умела думать на перспективу и не умела думать о нескольких вещах сразу. Сейчас её занимал только Лёша, его жестокие слова, его предательство.

Девчонки Юльку встретили душевно. Искренне сочувствовали, только потребовали подробностей и откровений. Такая вот своеобразная плата за гостеприимство. Собственно, ей и самой не терпелось излить душу.

- Ну надо же, козёл какой! - вознегодовала Надя. - Никогда бы не подумала, что Степнов такой сволочью окажется. А такая любовь была!

От этих слов у Юльки тотчас задрожали губы.

- А я вот, девочки, всегда в нём сомневалась, - возразила Светка. - Нет, я не скажу, что он бабник, но он какой-то ведомый. Поманили - пошёл, как телок. Даже вот, Юль, с тобой. Ты ведь сама говорила, помнишь, что первая его на медяк пригласила...

Тут уж Юлька не сдержалась. На глазах выступили слёзы. Сердобольная Надя приобняла её за плечи.

- Ну, ну, не плачь, что ты... Ты у нас вон какая красавица. У тебя ещё куча таких Лёш будет.

- Ты прям как моя мама говоришь, - всхлипнула Юлька.

- А Ольга Алексеевна знает? - удивились девочки.

- Нет! - вскинулась она. - И вы никому ничего не говорите. А то слухи в нашей дыре быстро расползутся. Мать узнает - сразу примчится. Мне весь мозг исключёт, а Степнову вообще голову оторвёт.

- Кое-что другое бы ему оторвать! - буркнула Неля.

С Нелей Грековой они в школе не очень-то ладили. Соперничали буквально во всём, источая взаимную неприязнь. До потасовок не доходило, но язвили в адрес друг друга с азартом. Потому Юлька за минувший год навещала подружек только раз, когда Неля уезжала. А вот теперь пришла побитой собакой. Но та хоть и не рассыпалась в утешениях, но и плясать на костях не стала.

5

Май прошёл как в дурмане. Юльке казалось, что её вдруг вышвырнуло на обочину. Всё кругом движется, дышит жизнью, пролетает мимо, а она будто застыла в своём несчастье, лишняя, одинокая, никому не нужная.

Нет, она жила, что-то там делала, ела, спала, ездила в институт, врала матери, но всё это, скорее, по инерции.

Девчонки потеснились - приютили её у себя на время, пока не подыщет варианты. Раздобыли где-то раскладушку.

С Лёшей Юлька виделась только раз - встреча получилась яркой, но безобразной.

Она приехала с девчонками за оставшимися вещами и застала его с «той», грудастой, пергидрольной блондинкой. Выказалась, конечно, и далеко не литературно.

В ответ наслушалась от Лёши всякого, разбила его телефон, какую-то кружку с дурацким смайлом - не было такой раньше, «эта» наверняка приволокла. Лёша сперва конфузился, но за разбитый телефон тоже взвился, попытался вытолкнуть Юльку на лестницу. Подключились девчонки, которые поначалу смущённо топтались в прихожей. Визжали, царапались.

В конце концов, утихомирили их соседи, пригрозившие вызвать наряд.

- Нихрена себе у вашей лавстори финальный аккорд, - потирая ушибленное запястье, качала головой Неля, когда с вещами брели вчетвером обратно на остановку. - Насмотришься вот так - и, честно, не захочешь никаких отношений.

- Ну не все же такие козлы, как Степнов, - резонно заметила Светка.

- Может, и не все, но на лбу-то ни у кого не написано, козёл он или нет.

- Юльчик, - Надя тронула Юльку за плечо, - не расстраивайся ты так. Тебе надо переключиться на кого-нибудь другого.

Переключаться ни на кого не хотелось. Хотелось, чтоб было, как раньше. С Лёшей. На остальных даже глаз не задерживался.

И вообще, всё стало казаться неинтересным и бессмысленным. Ничто не волновало. Всё, вообще всё - до лампочки.

Вон девчонки чуть ли в припадке не бились от страха - так боялись завалить сессию в своём педё. Притом усердно зубрили часами напролёт, клепали шпоры, гоняли друг друга по билетам. Юльку же вся эта суeta не трогала абсолютно.

И тем не менее сессию худо-бедно она сдала - сама, правда, не поняла, каким таким чудом. Впрочем, сдала - это неоправданно громкое заявление. По двум из трёх экзаменов просто получила тройку на отвязись. С третьим - самым сложным - фантастически повезло: препод, что обещал всем прогульщикам устроить на своём экзамене праздник общей беды, внезапно подцепил жестокий вирус, и его заменили на другого, незнакомого, беспечного и ленивого. Тот не стал утруждать ни себя, ни свалившихся на его голову чужих первокурсников, и щедро отвесил всем «хорошо» и «отлично».

6

Вечером пили дешёвое коробочное вино. Девчонки наперебой делились впечатлениями и сплетнями, в лицах пересказывали какие-то моменты, хохотали. Только Юлька молча цедила приторно-терпкое пойло, не выпуская из рук телефон.

- Заберите кто-нибудь у Аксёновой сотовый, - предложила Неля. - А то сейчас начнёт строчить Степнову смс-ки.

- Вот ещё! - вскинулась Юлька. - Нафиг он мне сдался - писать ему!

- Все пьяные так делают.

- По себе судишь?

- А пойдёте в клуб, - предложила Светка.

- Вы идите, а я - пас, - отказалась Юлька. После вина её слегка развезло.

- Нет уж, - подключилась Надя, - ты идёшь с нами. Даже не спорь! Во-первых, сессию сдали - грех не отметить такой повод. А во-вторых, тебе надо с кем-нибудь познакомиться, а то так и будешь страдать.

- Не хочу я ни с кем знакомиться.

- Лучше, конечно, убиваться по этому придурку-Степнову, пока он там развлекается вовсю со своей новой, да? - хмыкнула Неля. - Что-то ты совсем, Аксёнова, размякла. Не узнаю тебя. В какую-то унылую лохушку превратилась. Неужто один раз получила от ворот поворот и сразу комплексами обросла? Или боишься, что больше никто на тебя не взглянет?

- Что ты несёшь? - разозлилась Юлька. - Подцепить кого-то вообще не проблема, только мне это неинтересно. А ты бесишься, потому что Лёшка тебе тоже нравился, а выбрал он меня.

- Ну в итоге не тебя он выбрал, допустим.

- Девочки, девочки, брейк! Не ссорьтесь, - встрепенулась Надя.

- Да никто не ссорится, очень надо, - фыркнула Неля. - Просто удивляюсь, куда у людей гордость девается. И не только гордость. Месяц с лишним уже по Степнову ноет.

- Да хоть год, тебе-то что? - огрызнулась Юлька.

- Да хоть сто лет ной - мне пофиг. Просто раньше ты на человека была похожа, а сейчас в какую-то размазню превратилась.

- То есть пойти в клуб и кого-нибудь подцепить - это, значит, снова стать человеком?

- Для начала неплохо и это. Я не говорю прыгать в койку с первым встречным. Я имею в виду просто познакомиться, пообщаться. Всё лучше, чем сутками оплакивать козла, который на тебя чихать хотел.

- Если бы я захотела - давно бы нашла себе кого-нибудь. Не проблема.

- Угу. Знаю я таких, которые если что-то не могут, прикрываются тем, что просто не хотят.

- Тут ты не по адресу, - заводилась Юлька. - Напомнить, как в последний раз мы с тобой спорили в девятом классе, и кто из нас кого сделал, а? Кто познакомился, а кто остался с носом?

- До пенсии теперь тот случай вспоминай, потому что больше явно вспомнить будет нечего, - усмехнулась стерва-Неля, нанося консилер.

Юлька понимала, что Неля примитивно развела на слабо - это вообще в её духе, но при этом сумела-таки действительно разжечь азарт. И слова её очень задели. Теперь хотелось щёлкнуть по носу эту самонадеянную стерву, чтобы не болтала всякую ерунду.

- Ладно, Грекова, - зло улыбнулась Юлька, - давай забьёмся, кто из нас первый познакомится с кем-нибудь.

- Оу, Царевна Несмеяна утёрла слёзки, опустила забрало и оседлала боевого коня? Ну-ну. Только для чистоты эксперимента объект выбираем все вместе.

- Да не вопрос.
- И ещё: спорим не на знакомство, а на поцелуй. Можно быстренько, по-пионерски, но в губы. А то мало ли, может, ты там время подошла спросить...

Юлька поморщилась:

- А что сразу не на секс?
- Ну если хочешь, давай на секс, - хмыкнула Неля.
- Нет уж, остановимся на поцелуе.
- Замётано.

7

Недавно открытый клуб «Пятый элемент» отличался от многих подобных заведений простором. Огромный холл, высокие потолки, широкие лестницы и переходы.

Вместительный танцпол находился на некотором возвышении и примыкал к сцене, где заводили толпу ди-джей с разноцветными дредами и четверо мускулистых, загорелых мачо, облачённых в чёрные шёлковые шаровары. Голые накаченные торсы гоу-гоу тансеров лоснились в свете прожекторов. На высоких тумбах по краям сцены эротично извивались полураздетые девушки. Толпа бесновалась.

Чуть поодаль располагались бар, столики, диванчики, ещё дальше - чилаут-зона.

- Хорошо, что дома подзаправились, - заметила Светка. - Тут цены на алкоголь видели? Самое дешёвое пиво две сотки.

- Да уж, - кивнула Надя.

Столик они заняли у стены, за широкой колонной. Место удачное: сами в тени, а зал - как на ладони.

- Всё равно надо что-то взять, - озабоченно сказала Неля. - Не будем же за пустым столом сидеть.

Посчитали, скинулись, взяли пиво и бесплатные сухарики.

- Сильно не пьяйтесь, но вон за тем столиком классные мужики сидят, - заговорщически сообщила Светка. - Без баб, я за ними почти с самого начала наблюдаю.

Надька и Неля скосили глаза.

- Ну да, ничего такие, - оценила Неля. - Особенно вон тот чёрненький. И вроде приличные на вид, не отморозки какие-нибудь.

- Ой и правда, симпатичные. А брюнетик - вообще отпад, - подтвердила Надька.

Юлька сидела к симпатичным спиной и разворачиваться, чтобы посмотреть, было неловко.

- Решено, - улыбнулась Светка. - Вон тот брюнетик и будет нашим, то есть вашим, объектом.

- Я не против, люблю красавчиков, - охотно приняла вызов Неля.

- Ну и отлично, - у Светки аж глаза от азарта загорелись. - Кто из вас, девочки, первая...

- Подождите! - остановила её Юлька. - Может, мне он не понравится. Я не собираюсь абы с кем знакомиться, а уж тем более абы кого целовать. Я посмотреть должна.

- Ну оглянись да посмотри. Он прямо за тобой сидит.

- Это будет слишком явно. Короче, я сейчас встану, как будто в туалет, и посмотрю. Потом вернусь - скажу.

- Ну, давай, иди, гений конспирации.

Юлька в два глотка допила своё пиво, поднялась и как будто невзначай бросила взгляд назад.

О ком говорили девчонки - поняла сразу. За соседним столом сидели четверо мужчин, и все они, в общем-то, были вполне. Но именно этот брюнет невольно приковывал к себе внимание.

Он и в самом деле красивый, но выделялся вообще-то не этим, а своей разительной непохожестью на окружающих. Даже удивительно, насколько он не вписывался в эту атмосферу, словно очутился здесь по нелепой случайности. Классическая стрижка, правильные черты, осанка аристократа, прямая и в то же время непринуждённая. В неспешных движениях рук сквозила врождённая грация. Такому не в ночном клубе среди разнузданной и полупьяной молодёжи тусить, а вальяжно потягивать какой-нибудь «Контадор» на террасе виллы, созерцая

закат. Даже со своими спутниками брюнет практически не общался, лишь изредка кивал или пожимал плечами.

Со скучающим и надменным видом он скользил взглядом по залу, пока не наткнулся на Юльку. На секунду задержался, пронзил ледяной синевой. Она тотчас отвела глаза, неожиданно смутившись. Не по себе стало от пристального холодного взгляда и от того, что так беззастенчиво на него пялилась, словно дурочка деревенская.

Прихватив рюкзачок, она деловито устремилась к выходу. Погуляла минут десять по холлу, вернулась. Пока шла на место, отчего-то напрягалась и показательно не смотрела в сторону брюнета. И что ещё более странно разволновалась вдруг при этом. Поэтому, наверное, сразу согласилась на предложение Светки взять ещё пиво, хотя денег оставалось всего-ничего.

- Ну что? - наклонилась к ней Неля. - Заценила красавчика?

- Ну так, - дёрнула плечом Юлька.

- Ага, ну так, - ухмыльнулась Грекова. - Не чета уж твоему Степнову. Скажи честно, сдрейфила?

- Вот ещё!

- Тогда вперёд?

- Давай, - кивнула Юлька, даже примерно не представляя, как хотя бы подступить к этому айсбергу.

- А на что спорите-то? - вспомнила Светка.

- На имидж, - не сводя с Юльки насмешливого взгляда, ответила Неля. Затем встала и направилась напрямик к брюнету.

- Угу, на понты, - буркнула Юлька себе под нос.

8

Внешне Неля, может, и проигрывала бы Юльке. Нос вот у неё длинноват, губы тонкие. Но Неля умела себя подать так, что никто никаких недостатков не замечал. И вообще, она женственная, с широкими округлыми бёдрами, пышной грудью. Юлька же до сих пор на каблуках ходить не научилась.

Юлька пересела на место Нели - хотелось наблюдать, как та будет действовать. Жаль, слов не слышно. Но и по жестам она поняла, что Неля пригласила брюнета потанцевать. Ди-джей как раз объявил белый танец, чем Грекова тотчас воспользовалась. А учитывая, что медленные композиции в клубах обычно звучат две-три от силы за весь вечер, Юльке такой удобный случай вряд ли выпадет.

Ну, ничего, вздохнула она, глядя, как брюнет, тоскливо взглянул на своих друзей и, пусть даже с явной неохотой, но приглашение принял. Решила, не будет удобного случая - воспользуется неудобным.

За танцующей парой внимательно наблюдали все втроём. Неля прижималась к красавчику грудью, шептала что-то на ухо и, чёрт побери, добилась того, что он ей начал отвечать. Надменное лицо на миг озарила лёгкая улыбка.

Юлька злилась на Грекову - изведёт ведь потом насмешками, стерва. Да и сам по себе проигрыш - удар по самолюбию.

Незаметно она опустошила и второй бокал.

Тем временем мелодичные аккорды довольно резко смолкли, перекрытые ритмичными басами и ударниками.

Неля с брюнетом возвращались назад. Брюнет, хоть и подал галантно руку Грековой, однако шёл с таким видом, будто ему, титулованной особе, приходится вот общаться с челядью, но он стойко терпит, хотя его и тянет зажать нос. Зато Неля так и светилась. И на Юльку, ещё издали, смотрела со снисходительно-ликующим видом. Хотя поцелуя-то не было. Они следили. Так что рано она ликует.

Когда парочка почти поравнялась с их столиком, Юлька, метнув в довольную Грекову злой взгляд, поднялась и встала прямо у красавчика на пути.

Он приостановился, выпустил руку Нели, посмотрел на Юльку недоумённо. А та решительно шагнула к нему, обняла и, приподнявшись на носочки, поцеловала в губы. Мелочиться не стала - поцелуйчики по-пионерски для слабаков. А она уж поцеловала - так поцеловала. Долго, жарко, со всей своей невыплаканной болью и нерастраченной страстью. Всё равно, сказала себе, видит его в первый и последний раз, так что плевать.

Он так и замер на месте, ошеломлённый. Не оттолкнул, но и не отвечал на поцелуй. Только под конец шумно, порывисто выдохнул. И несколько секунд стоял-не двигался после того, как Юлька отстранилась и молча села на место, даже не глядя на него - потому что на поцелуй ушло всё её мужество и весь запал. Затем брюнет вернулся к своей компании.

Неля тоже впала в шок. От снисхождения и победоносного взгляда - ни следа. Пожалуй, только это и радовало. А вообще, хотелось смотреть из клуба как можно скорее. Спор-спором, но чувствовала себя Юлька сейчас по-идиотски. Со стороны вся эта эскапада, наверняка, выглядела нелепо донельзя: какая-то ненормальная набросилась на незнакомого парня с поцелуями, как дура озабоченная. Стыд-позор...

- Это не было знакомство! - возмутилась наконец Неля.

- Так мы и спорили не на знакомство, а на поцелуй, - напомнила Юлька.

- Вообще-то, да, - подтвердили девчонки.

- Ну поздравляю, значит, - Неля скроила деланную улыбку.

Да, это определённо радовало, но не настолько, чтобы перекрыть смущение. Юлька буквально спиной ощущала присутствие брюнета, и это нервировало. Выдохнула лишь тогда, когда он покинул клуб.

Они же вместе с девчонками гуляли до утра. А на следующий день Юлька с удивлением отметила, что её отпустило. Нет, если намеренно думать о Лёше, это ещё расстраивало, но тоски, острой, несмолкаемой, уже не было. В груди больше не давило мучительно. И навязчивые мысли о нём больше её не одолевали.

9

Маме всё же пришлось признаться. Точнее, мама всё узнала сама, и Юльке ничего не оставалось, как подтвердить.

Вообще, Юлька не хотела ехать на лето к родителям, хотела остаться в городе, подыскать себе кое-какую подработку и жильё. После случая в клубе отношения с Нелей Грековой снова обострились, и их совместное существование грозило вылиться во что-то посерьёзнее обычных словесных пикировок.

Мать тоже не церемонилась. Ладно, крыла Лёшу на чём свет стоит. Но и Юльку она называла «порченным товаром», на который нормальный мужчина теперь не позарится.

- Весь посёлок знает, что он тебя вышвырнул вон, - ругалась мать. - Попользовал и бросил, как ненужную вещь.

- Мама, - злилась Юлька, - твои взгляды уже сто лет как устарели. Никто на это теперь даже не смотрит.

- Не смотрит, говоришь? То-то на рынке косточки тебе мусолят.

- Да пофиг. Нечем им заняться, вот и чешут языками.

- На всё ей пофиг, - восклицала мать. - На честь пофиг, на гордость, на достоинство. Позорище!

Юлька узнала, что мама и к Лёшиной матери ходила, грозилась, что за «позор» всех их прижучит. Вот уж где стыд!

Юрка, брат, тоже собирался взгреть Лёшу, как только тот приедет. Но Лёша не приехал.

Еле вытерпела до середины августа. Совсем неумоготу стало дома.

- К нему рвёшься? Смотри, узнаю, что ты его простила - вообще уважать перестану, - напутствовала мама, провожая Юльку на поезд.

- Ничего я к нему не рвусь, - возмущалась она. - Плевать я давно на Степнова хотела.

- Ну-ну. Хорошо, если так. И вообще, ты там с этими шашнями прекращай. Ясно? Чтоб мне больше никаких романов, пока институт не закончишь. Узнаю, что гуляешь - переведу на заочный. Будешь дома учиться и работать пойдёшь.

Сама сокрушалась при этом, что поехать с дочерью не может - дача ведь, огород, соленья-варенья.

И слава богу, думала Юлька. Мать свою она любила и понимала, что та, несмотря на грубость, тоже любит её. И ругается так, потому что тревожится, а по-другому своё беспокойство выражать не умеет. Но всё равно находиться с ней рядом подчас было просто невыносимо.

10

Последние две недели августа пролетели как один день. Зря мама переживала, что Юлька будет от безделья маяться. Безделье порой бывает очень даже в радость. Она вот гуляла дни напролёт. С Лёшей ведь и города толком не видела. А ещё отважилась наконец остричь волосы - только за одно это мать бы её распяла. Впрочем, это ещё предстоит. Притом Юлька не просто избавилась от длинных кос, а сделала себе совершенно неформальную стрижку shag, и теперь чёрные вихры торчали во все стороны, но ей нравилось.

Насчёт Лёши мать, кстати, тоже напрасно беспокоилась. Юлька о нём вспоминала нечасто и уж точно не рвалась встречаться.

И вообще, хорошо, что она приехала пораньше. Сумела получить место в новом, секционном общежитии, а это удача. Оно ведь почти малосемейка: две комнаты на секцию, отдельный душ, отдельная кухня, ещё и балкон, а оплата за всё это счастье - сущие гроши. Туда желающих обычно - очередь, и половина остаётся с носом. А тут так подфартило.

Единственный минус - комендант. Роза Викторовна. Злобная, крикливая тётка, которая с одинаковым энтузиазмом шпыняла и студентов, и аспирантов, и вахтёров, и гостей. И все терпели. Правда, у Юльки эта Роза Викторовна особого трепета не вызвала после маминой-то школы.

Принимая у неё направление, Роза ощупала её цепким взглядом, затем деловито перечислила:

- Попойки в комнате не устраивать. Пьяной в общежитии не появляться. Музыка громко не слушать. Парней на ночь не оставлять. За госимущество отвечаешь лично. За любое нарушение - сразу выселяю без разговоров. Общежитие закрывается в двенадцать, придёшь позже хоть на минуту - останешься ночевать на улице. Ясно?

- Ясно, - буркнула Юлька, мысленно приказывая себе просто смолчать. Не огрызаться, не спорить, не возмущаться - смолчать, прикусив язык.

Не то чтобы она собиралась пьянствовать или портить госимущество, но эти рамки, запреты, ограничения всегда внушали желание поступить вопреки. Не назло кому-то, не ради эпатажа, а чтобы не чувствовать, что на твою личную свободу посягнули. Но с этими порывами она научилась справляться, а вот тон этой Розы, безапелляционный и пренебрежительный, так и провоцировал ответить в подобном духе, даже нагрубить, чтобы лицо её вытянулось... ну а там хоть потоп. Но эти несколько секунд удовольствия, с сожалением понимала Юлька, наверняка аукнулись бы ей немедленным выселением. Так что она молча взяла ключ и потащилась с сумками на второй этаж искать комнату №25.

Первые дни Юлька наслаждалась одиночеством. Соседка приехала буквально в последний день лета. Ввалилась в начале восьмого с многочисленными сумками. Ни тебе здравствуйте, ни познакомиться. Топала, шелестела пакетами, хлопала дверцами шкафа, мешала спать. На Юльку, когда та недовольная и заспанная встала с кровати, посмотрела, как на вторженца, затем соизволила:

- Инна.

Юлька тоже представилась.

- Ты на каком курсе?

- На втором.

- А я на третьем, - сообщила важно, будто год разницы наделял её особой значимостью.

На правах старожила Инна пыталась навязать устоявшиеся правила: убираться по очереди, готовить по очереди, продукты в складчину.

- Ну уж нет, - не согласилась Юлька, смерив взглядом дородную соседку. - Я ем мало, готовить вообще не люблю. Так что каждый сам себя кормит.

Они спорили, раздражались, повышали голос. Инна на нервах то и дело снимала очки и протирала стёкла. Юлька говорила резкости, затем, чувствуя, что ещё немного и её совсем понесёт, села с ногами на кровать, упершись затылком в стену, воткнула наушники и, врубив на полную первый попавшийся трек, закрыла глаза. Не видеть, не слышать, успокоиться.

Остаток дня и следующее утро они демонстративно друг с другом не разговаривали. И в институт шли одной дорогой, но по отдельности.

Первой парой была вводная лекция для всего потока. Второй по расписанию - зарубежная литература. Девчонки-одгруппницы толпились у закрытых дверей аудитории, верещали, хихикали, показывали друг к другу что-то в телефонах.

Юлька встала от них поодаль. В группе за целый год она ни с кем не сдружилась. Ну хоть врагов не нажила со своим дурным характером - и то спасибо.

Особняком от остальных держалась ещё одна, Рубцова. Вот её Юлька всерьёз недолюбливала. Никогда не нравились ей такие: правильные девочки-припевочки, заучки, тоскливые настолько, что зубы сводит. А эта ещё и себе на уме. Одгруппницы к ней время от времени подкатывали, пытались зазвать туда-сюда, дуры. Но та чётко давала понять, кто она и кто они, и держала всех на расстоянии. Ну понятно, папа же там огого. Такие вот моменты Юльке тоже не нравились. Поэтому с Рубцовой она даже не здоровалась.

Сейчас вот тоже стали к ней липнуть:

- Мы тебя видели с Яковлевым!

- Вы что, теперь вместе?

- Когда успели? Расскажи!

Юльке стало противно. Ну кому может быть интересно, с кем эта заучка встречается или не встречается? В данный момент её вот больше волновало, где носит препода? Звонок с минуты на минуту. Какого чёрта он держит их под дверью? Или это она? В расписании сказано: к.ф.н. А.Д. Анварес. По фамилии не понять - он, она. В принципе, плевать.

А вот ждать, подпирать стенку, слушать глупый трёп надоело. Раздражение зашкаливало. Юлька резко оторвалась от стены и направилась к лестнице. Решила спуститься в столовую, выпить кофе. Ни от кого не убудет, если она задержится на несколько минут.

Но одним кофе она не ограничилась - напал вдруг голод. Взяла сосиску в тесте и овощной салат. Ела торопливо, но всё равно опоздала на четверть часа. Перед дверью приостановилась на миг, приняла независимое выражение и смело шагнула в аудиторию.

- Здравствуй... те.

Юлька замерла на пороге, ошарашено глядя на преподавателя. Вот уж чего она совсем никак не ожидала - так это увидеть на его месте того надменного брюнета-красавчика из клуба. И он, совершенно очевидно, тоже опешил...

11

Месяц назад

- Не вижу логики, - в дверях ванной возникла Лариса. - Ты не хочешь идти на этот мальчишник и всё же идёшь.

- Я часто делаю то, что делать не хочется, - не глядя на неё, сухо ответил Анварес. Плеснул в ладонь лосьон после бритья, нанёс на лицо.

Аккуратно отодвинув её, он прошёл в спальню, раздвинул дверцы шкафа-купе, снял с плечиков рубашку, белую в узкую серую полоску.

- Ну нам всем так иногда приходится поступать, - проследовала за ним Лариса. - Но я понимаю, когда дело касается долга, работы, каких-то обязанностей, от которых не отвертеться. А это всего лишь пьянка. Какая-то бессмысленная традиция.

Он никак не реагировал, сосредоточенно застёгивая пуговицы перед зеркалом.

- И ладно, если б ты сам хотел, - не дождавшись ответа, продолжила Лариса. - А то ведь...

Полностью одевшись, Анварес наконец повернулся к ней, бесстрастно посмотрел в глаза.

- Традиции, моя дорогая, это не просто часть культуры нашего общества, это связь поколений прошлого, настоящего и будущего. Даже те, что на твой взгляд, бессмысленны.

- Традиции, мой дорогой, это невежество мёртвых, которое довлеет над умами живых.

- Если уж обращаешься к авторитетам, то хотя бы не коверкай их. Довлеть - это удовлетворять. В значении «тяготеть» употреблять это слово безграмотно.

- Анварес! Ты несносен! - Лариса пошла пунцовыми пятнами. - Я всего лишь...

- Ты всего лишь не хочешь, чтобы я шёл на мальчишник. Я понял, - равнодушно произнёс он. Затем его губы тронула едва заметная усмешка. - По-твоему, это стриптиз, разврат и оргии, да? И ты всерьёз считаешь, что я стану в подобном участвовать?

- Нет, конечно, нет. Ты, Анварес, для этого слишком благоразумен и... брезглив.

- Так в чём же дело? - он вопросительно приподнял чёрные безупречной формы брови.

- Да ни в чём, - отмахнулась Лариса. - Иди уже.

12

Вообще, Лариса была права - идти на мальчишник не хотелось. Не любил он такие развлечения. Концерты в органном зале или филармонии, выставки, хорошая книга, какое-нибудь артхаусное кино, на худой конец, ужин в тихом ресторане на двоих - другое дело. А ночной клуб - ну никак не вписывался ни в круг его интересов, ни в зону комфорта.

Но друг звал, просил - как не пойти? Опять же, традиция...

С Валерой Чиловым они вместе учились в университете, затем - разминулись. Анварес поступил в аспирантуру, блестяще защитил кандидатский минимум. Валера пригнулся в департаменте образования, пока простым специалистом, но с перспективами. Двух других приятелей Валеры Анварес видел впервые. Один оказался коллегой Чилова, второй - бывшим одноклассником. Вот этот одноклассник раздражал безмерно буквально с первых минут, хотя Анварес умело скрывал эмоции. Но настроение портилось, оставалось только недоумевать, что общего могло быть у Валеры с этим типом, который не умолкая брюзжал:

- Извини, Чиж, но это не мальчишник, а унылая херня какая-то. Кроме бухла и хавчика ни хрена нет. Где тёлки? Где стриптиз? Здесь же есть приват-румы, давайте туда шлюх подгоним, повеселимся нормально.

- Нет, прости, брат, я слово Оле своей дал, что мы просто посидим без вот этого всего.

- Капец! - возмущался одноклассник. - Не успел жениться, а уже под каблуком. Пацаны, ну вы хоть поддержите...

Анварес и коллега не поддержали. Однако в одном этот тип был прав - вечер получился скучным. Музыка долбила по перепонкам, кругом сновал народ: распущенные девицы, обдолбанные парни. От этого всего воротило. Ещё и потраченного времени безумно жаль.

Когда его пригласила девушка на танец, сначала хотел отказать. И желания танцевать не было, и вообще он не любил, когда девушки проявляли в таких делах инициативу. Оставлял это право за мужчинами. Притом прекрасно понимал, что это стало почти нормой и он со своими взглядами безнадежно устарел, но поделать ничего не мог. Такие девушки неизменно вызывали в нём отторжение, если не сказать хуже. Может, сказывалось воспитание - в его семействе этике и манерам всегда уделялось повышенное внимание, хотя лет семь-восемь назад, будучи подростком, он сам ненавидел все эти реверансы. Может, выработался такой рефлекс из-за некоторых студенток, которые ради зачёта шли на низкопробный флирт.

Приглашение он всё же принял. Потому что одноклассник Чилов, заметив его замешательство, сразу же стал цепляться к девушке:

- Давай лучше я тебя потанцую, красотка.

А потом думал - может, зря? Девушка щебетала в ухо, льнула к нему, явно намеренно тёрлась грудью - очевидно, ей хотелось того, что одноклассник Чилов с радостью ей предложил бы, а вот Анварес - увы.

- Я - Неля, - сообщила девушка. - А вас как зовут?

Ну не всё ли равно? Однако воспитание не позволяло сказать то, что на уме, поэтому представился:

- Александр.

- Красивое имя, моё самое любимое из мужских.

Он из вежливости изобразил улыбку.

- ... оно означает защитник, герой.

Танец, наконец, закончился, он проводил девушку до столика.

Вдруг перед ним возникла девчонка. Выскочила, как чёрт из табакерки, встала и стоит, ни влево, ни вправо отойти явно не собирается. И смотрит в упор с таким выражением, что ему не по себе стало.

Анварес хотел, было, спросить: «Что-то не так?», как девчонка подалась к нему и неожиданно впиалась в губы. Не отпрянул он лишь потому, что опешил, замер в немом шоке. А затем ощутил щекотание ресниц на скуле - видимо, закрыла глаза; прикосновение её пальцев на затылке - от этой малости вдоль позвоночника побежали мурашки и дыхание перехватило. Губы же её, несмотря на порывистость и пылкость, показались очень мягкими и нежными, отчего поцелуй получился не грубым, а настолько чувственным, что внутри сладко ёкнуло. А потом девчонка просто прервала поцелуй и без всяких объяснений плюхнулась на ближайший диванчик.

Анварес несколько секунд стоял столбом, пытаясь осмыслить произошедшее, ну и выровнять дыхание.

Одноклассник Валеры гнусно заулюлюкал, когда Анварес вернулся на место.

- И хрена ли ты здесь забыл? - прицепился. - На тебя тёлки сами вешаются, действуй, капитан! Что? Я б на твоём месте ей прям сразу вдул. Нет, обеим. Тройничок бы такой организовал... О, а может, квартетом замутим?

Вообще, Анварес умел смотреть так, что все как-то сразу понимали, что надо немедленно от него отстать. А этот оказался непробиваемым.

- Да чё ты, Саня, межуешься? Тёлки, гляди, норм, молоденькие и уже готовы.

- Мне это неинтересно, - холодно отозвался Анварес, прикидывая, что ещё десять минут потерпит и отчалит домой.

- Тёлки и неинтересно? - не поверил одноклассник. - Как это возможно? Э-э, а ты случаем не педик?

Анварес поднялся из-за стола, взглянул сверху вниз, будто ледяной водой окатил, даже этого наконец проняло.

- Не, если что, ты извиняй, - забубнил одноклассник.

- Саня, ты куда? - всполошился жених. - Уже уходишь, что ли? Из-за него...?

- Нет, просто уже прошло десять минут.

- Каких десять минут? - не понял тот.

Анварес объяснять не стал, попрощался с Чижовым и его коллегой и направился к выходу. По пути не удержался - бросил украдкой взгляд в сторону той девчонки. Она на него не смотрела. Странная... Что вообще всё это значило?

13

Лариса была довольна оттого, что он вернулся так рано. Вообще-то, они жили порознь. У неё имелась собственная квартирка в Академгородке, но сейчас она затеяла ремонт, запустила к себе бригаду таджиков и поэтому перебралась на время к Анваресу.

Если откровенно, то общество Ларисы стало тяготить его уже на следующий день после её переезда, несмотря на то, что отношения их длились третий год и связывала их не только постель, но и полное взаимопонимание. Они любили одни и те же направления в искусстве, слушали одну и ту же музыку, смотрели одни и те же фильмы. Они даже не ссорились толком ни разу. Иногда, ещё поначалу, Лариса, бывало, обижалась на его, как ей казалось, равнодушие, но ненадолго и не всерьёз. А потом привыкла, что вот он такой, какой есть, и эмоции не слишком часто демонстрирует.

Встречались они практически каждый день - Лариса преподавала страноведение в том же вузе, что и он, - но времени проводили вдвоём не так уж много. Посещали выставки, театры, изредка оставались друг у друга на ночь. Чаще он у неё, потому что с трудом терпел вторжение в личное пространство. Впрочем, на чужой территории он тоже чувствовал себя не в своей тарелке, так что с утра пораньше мчался домой. Таких несчастных встреч ему хватало за глаза.

И вот теперь она с утра до вечера ходит по его дому, берёт его вещи, нарушает привычный покой. Это действовало на нервы. И если раньше он хоть сексом утешался, который сейчас всегда «под рукой», то последнее время и на секс не тянуло.

- Ну? Как всё прошло? Что было? - спросила Лариса, наблюдая, как Анварес переодевается в домашнее. Вот это тоже раздражало - ну никакой приватности.

- Ничего особенного, - скупое ответил он.

- Стриптизёры были?

- Нет.

- Какой-то у вас целомудренный мальчишник получился, - развеселилась Лариса.

Ночью уже, когда легли спать, она робко обняла его, придвинулась близко. Не встретив недовольства, осмелела. Прижалась тесно, поцеловала в плечо, в скулу, затем в губы. Он ответил на поцелуй вяло, просто чтобы не обижать, гадая при этом, почему так получается - хороший, родной человек раздражает его одним своим присутствием так, что невольно дни считаешь, когда там у неё уже ремонт закончится. Но это ладно. Это старая холостяцкая привычка - с девятнадцати лет живёт один. Гораздо больше его озадачивало, куда делось влечение. Нормально же всё было. А теперь те редкие разы, когда они занимались любовью, напоминали марафонский забег с утомительно длинными прелюдиями, который притом не всегда заканчивался развязкой. Чёрт-те что творилось. А ведь ему всего двадцать шесть. Это, конечно, не семнадцать, но всё же...

Вот и сейчас он прислушивался к себе, к откровенным ласкам Ларисы, оглаживал её, мял. И вдруг ни с того ни с сего в памяти всплыла девчонка из клуба, поцелуй её неожиданный, такой отчаянный и жаркий... И мысли эти бесконтрольно вызвали ощущения, яркие и внезапные, как вспышка.

И в ту же секунду он завёлся до предела. Подмял под себя Ларису, накинулся с пылом, чего и в самом начале их отношений не случалось. Ощущения эти нарастали, становились острее, ярче - хотя куда уж ещё, казалось бы, - и, в конце концов, разорвались оглушительным оргазмом. Лариса тяжело и шумно дышала в плечо, потом протянула:

- Это было о-о-о! Никак в тебе горячая испанская кровь наконец взыграла?

Анварес не ответил. Да и что тут скажешь? Он лежал на спине, прикрыв глаза рукой, и сам недоумевал: что это сейчас было? Ещё можно понять, если бы та девчонка ему понравилась, но ведь нет. Она, конечно, ошарашила, но, вообще, такие наоборот его отталкивали. Вызывали полное неприятие и даже брезгливость. Так что реакция собственного организма его сильно обескуражила.

- Кто первый в душ? - ворковала довольная Лариса.

14

Лариса прожила у него почти до конца лета. И, в общем-то, время прошло неплохо. Анварес более или менее свыкся с её постоянным присутствием.

К тому же август провели, в основном, в разъездах.

Сначала навестили его родителей - Лариса, конечно же, завоевала их симпатию. Точнее, покорила мать. Ну ещё бы - начитанная, интеллигентная, добрая, внешне приятная.

«Совсем такая, какой я была в молодости», - вздыхала с ностальгической улыбкой мама.

Отец же Ларису просто принял. Вот уж в отце пресловутая испанская кровь, разбавленная славянской лишь наполовину, проявлялась буквально во всём: во внешности, взглядах, темпераменте.

Он был чрезвычайно обходителен с подругой сына, сверкал круглыми чёрными глазами, широко улыбался и источал цветистые комплименты, однако наедине изрёк:

- Жена ведь не только интересный собеседник. Её надо любить и желать, а ты смотришь на свою Ларису, заметил, ну... как на солонку.

Анварес безразлично повёл плечом. Жениться в обозримом будущем он всё равно не собирался. И если бы Лариса так уж сильно не упрашивала его - к родителям её даже и не привёз бы. Так что особого значения этому знакомству он не придавал. А категориями «любовь» и «желание» вообще никогда не мыслил.

Любовь совершенно не вписывалась в картину его жизненных представлений. Ну а желание - так это вообще нечто на уровне первобытных инстинктов. Разве человек с интеллектом может идти на поводу желания - считай, похоти? Конечно, нет!

Однако спорить с отцом не стал - какой смысл переливать из пустого в порожнее? Всё равно его не переспоришь.

Отдохнув у его родителей, Анварес и Лариса слетали на недельку в Варшаву, где исходили все примечательные места, посетили выставку Альтхамера и театр Вельки, насладились польской кухней. Даже Лариса забросила свою диету, соблазнившись ароматными кабаносами.

И всё же, несмотря на насыщенный приятными впечатлениями август, Анварес вздохнул с облегчением, когда Лариса съехала к себе.

15

В этом году Анваресу традиционно дали второй курс «журналистов» и «иностранцев». Правда, навязали ещё в придачу спецкурсы у четвёртого.

Но это пережить можно - спецкурсы факультативны и посещают их, в основном, увлечённые студенты, ну или хотя бы не откровенные лентяи и идиоты. А вообще, он любил работать именно со вторым курсом.

Они уже не так бестолковы и пугливы, как первокурсники, но и не успели заматереть, как студенты с четвёртого-пятого. Во всяком случае, непристойные намёки во время сессии от второкурсниц он никогда не получал, а вот от старшекурсниц - сколько угодно. Это его давно не смущало, но каждый раз вызывало чувство глубокого омерзения.

Первой парой была лекция у «журналистов» - с ними обычно интереснее, чем с «иностранцами», хотя и сложнее. Среди «журналистов» - больше парней, тогда как на факультете иностранных языков - по большей части, девушки. Последние добросовестно учат от и до, но не желают углубляться, никогда не спорят, не выдвигают альтернативных мнений. Если и задают какие-то вопросы, то не в тему - о личной жизни самого Анвареса, например.

Парни же - не все, конечно, но на каждом курсе обязательно находится пытливый ум, а то и не один, - интересуются именно предметом, и им мало того, что он успевает дать на лекции. Они спорят, рассуждают, докапываются до сути. Ну и подловить его пытаются, выцепив где-нибудь в сети противоречивый факт - такие «язвы» всегда доставляли ему странное удовольствие. С ними он испытывал азарт. Ну а с «иностранцами» - правильнее будет сказать с «иностранками» - такого драйва не бывало никогда. С ними пресно.

Вот и нынешние второкурсницы полностью оправдали все его ожидания. Едва он закончил вступительное слово, едва поинтересовался, есть ли какие-нибудь вопросы, как началось:

- А вы женат?
- А сколько вам лет?
- А вы правда испанец?

Он уже и не раздражался особо, потому что четвёртый год одно и то же - привык. Но сразу становилось тоскливо.

- Не женат, двадцать шесть, лишь отчасти, - невозмутимо ответил он. - А по предмету есть вопросы?

- Не женат - и не собираетесь? А почему? А отчасти - это как? - игриво спрашивали девушки.

Анварес поморщился. Они слышали только то, что хотели слышать. Жгло язык съязвить, но он приказал себе хотя бы на первой лекции быть терпеливым и снисходительным.

- Не собираюсь. Без комментариев. Что обозначает слово «отчасти», предлагаю поуглгить после пары.

- А это ваша настоящая фамилия?
- Что-то новенькое!
- Разумеется, - ответил удивлённо.
- Понятно. У вас, наверное, отец - испанец? - никак не унимались девушки.

Анварес устало вздохнул.

- У меня дед испанец из «детей гражданской войны». Осел в России после эвакуации, женился на русской. Ну и так далее. А сейчас перейдём к...

Дверь распахнулась, и в аудиторию зашла припозднившаяся студентка.

Вот уж чего он совсем на дух не переносил, помимо глупости и лени, так это опозданий.

Анварес и сам был пунктуален, являлся минута в минуту, ни раньше, ни позже, и студентов предупреждал сразу, что опоздавшие могут гулять дальше и на его пары даже не соваться - выставит вон.

Однако эту девушку он решил не выпроваживать, сделать скидку на первый день. Хотя стоило, как минимум, донести до неё, что подобное разгильдяйство сходит ей с рук в первый и последний раз. Он уж развернулся к ней, приготовившись выдать жёсткую отповедь, открыл, было, рот, да так и замер...

16

В первую же секунду, как только девушка вошла, ему сразу подумалось, что где-то он её видел.

А во вторую - вспомнил, где и при каких обстоятельствах. Вспомнил, и то, что после того мальчишника, два или три дня не выходил из головы её поцелуй, вызывая в организме странные реакции. Вот и сейчас с недовольством ощутил, как тепло прихлынуло к щекам.

Что ж, стоило признать - этой разнузданной девчонке удалось шокировать его уже дважды.

Правда, она тоже тарасилась на него ошарашенно. Видимо, и сама была не готова к такому сюрпризу.

С трудом преодолев потрясение, Анварес кивнул, мол, проходите. Про тираду по поводу опоздания забылось начисто.

Её присутствие странным образом нервировало настолько, что он избегал лишний раз смотреть в ту сторону, куда она уселась. Хорошо хоть додумалась пройти в конец аудитории, а не села под носом.

Впрочем, постепенно он увлёкся - так всегда бывало, когда он рассказывал интересную ему тему. Увлёкся и перестал её замечать. Лишь звонок вернул его на землю. Окинул взглядом аудиторию - студенты сидели, не шелохнувшись, внимали его словам с приоткрытыми ртами, даже те, что на «галёрке». Он дал задание на ближайший семинар и отпустил их на все четыре стороны.

Когда она проходила мимо, старательно не глядя на него, Анварес, неожиданно для самого себя, вдруг обратился к ней.

- Представьтесь, пожалуйста, и назовите группу.

Она приостановилась, слегка замешкалась, потом произнесла:

- Аксёнова Юлия, двести пятая группа.

Сам не понял, зачем спросил сейчас её имя. Зачем оно ему вообще? Через два дня будет семинар - и так узнает. Ни у кого никогда на лекциях не спрашивал, запоминал всех по семинарам. Сейчас вырвалось как-то само. В принципе, ничего такого. Это вполне в порядке вещей. Но ни к селу ни к городу разыграла вдруг какая-то идиотская щепетильность, даже нет, не щепетильность, а мнительность - вдруг она решит, что спросил он именно её, её одну, из-за того случая в клубе? А это ведь не так! Или немного так?

Она выжидающе на него смотрела.

Анваресу вдруг сделалось душно. Но с ответом он, к счастью, нашёлся почти сразу, выдав спокойно и холодно, даже резковато:

- В следующий раз, госпожа Аксёнова, прошу являться без опозданий. В противном случае, я попросту попрошу вас выйти вон.

Она метнула в него злой взгляд исподлобья и вышла, не попрощавшись.

Он выдохнул. А чего она ожидала? Что та бесстыдная выходка в клубе даст ей право заявляться на пару, когда захочется? Тогда её ждёт глубокое разочарование.

Анварес отвёл ещё лекцию у второго потока, а эта Аксёнова никак не шла из головы.

Не в ней дело, говорил он себе. Не потому что она его зацепила или что-то там ещё. Цеплять-то, строго говоря, там и нечем. Обычная смазливая и глупая малолетка, шныряющая по клубам в поисках известно каких приключений. Такие по умолчанию не могут вызвать у него интереса. Просто сама ситуация из ряда вон. Неожиданность плюс нестандартность - вот в чём дело. Себя он убедил, но всё равно продолжал думать.

А в ней что-то изменилось, отметил он про себя. Причёска, потом сообразил. Волосы были вроде по пояс, ну а теперь... теперь просто караул, теперь - лохматое нечто. И ведь наверняка эта девица думает, что так красиво. Анваресу такие вот новомодные эпатажные веяния казались попросту вульгарными. Примитивный способ хоть как-то выделиться, если больше выделяться нечем.

На следующий день встретил её в столовой. Сразу с порога увидел у кассы чёрные косматые вихры.

- Здравствуйте, Александр Дмитриевич, - журчали отовсюду девичьи голоса. - Приятного аппетита!

А эта прошла с подносом и намеренно сделала вид, что его не заметила.

Детский сад! То кидается с поцелуями, то притворяется слепой. Впрочем, пусть. Это даже правильно - забыть тот случай, как нелепое недоразумение.

17

И всё же это недоразумение никак не забывалось, и это раздражало. Бесило даже.

К пятничному семинару какого-то чёрта готовился с особым тщанием: продумал вводную, скомпоновал все интересные факты, которые знал по теме, чтобы ничего не забыть, полвечера рылся в источниках - боялся допустить неточность.

А ведь обычно по полной выкладывался лишь на лекциях, а на семинарах, считал, студенты должны лезть из кожи вон, а он - всего лишь оценивать их старания.

Но тут сам для себя оправдал собственное рвение тем, что семинар - первый в году. Не беда, если он пройдёт в ином формате.

Проверять и оценивать он ещё успеет, а подстегнуть заинтересованность в своём предмете лишним не будет.

Семинар по зарубежной литературе у двести пятой группы стоял по расписанию первой парой.

В этот раз Анварес пришёл даже чуть пораньше, нарушив привычку впускать студентов в аудиторию непосредственно перед звонком.

Аксёнова на пару не явилась. Вот так просто не пришла и всё.

Да и плевать, говорил себе. Это же ей учиться, это же ей потом как-то сдавать его предмет надо будет. А ему-то что?

Но она не пришла, а его вдруг взяла непонятная досада и злость. И даже восторги её одноклассниц вызывали лёгкое раздражение.

- Александр Дмитриевич, - щебетали девушки, - вы так интересно рассказываете!

- Ваш предмет самый любимый!

Анварес отмалчивался, безучастно ожидая, пока все покинут аудиторию.

- Как всегда у тебя среди девочек фурор, - усмехнулась Лариса, стоя в дверях. - И как ты держишься? Столько соблазнов. А вот интересно, ты бы так же держался, не будь у нас внутреннего запрета вступать в отношения со студентами, или в самом деле тебе на них плевать?

- Перестань, - одёрнул он её.

С таким настроением не до шуток, тем более такого пошиба.

- Извини, - тотчас перестроилась Лариса. - Слушай, меня бывшая одноклассница пригласила посидеть в кафе. Она будет со своим мужем. А мне одной идти не хочется.

- Ну так не ходи, - пожал он плечами.

- Саш, мне бы хотелось, чтобы ты пошёл со мной. Они очень интересные люди. И потом, что ещё делать в субботу? Разве у тебя завтра есть какие-то планы?

Первым порывом было отказаться. Но затем подумал - ведь действительно планов нет, а дурное настроение надо как-то исправлять.

- Хорошо, - кивнул.

- Вот и отлично.

18

Юлька готова была сквозь землю провалиться. Конечно же, он её сразу узнал и сразу вспомнил. Лицо у него так и вытянулось.

Да и на что она надеялась? Наверняка ведь не каждый день незнакомая дура кидается на него с поцелуями.

Фу, даже вспоминать тошно. Ей и тогда-то не по себе было, но утешалась хотя бы тем, что видит его в первый и в последний раз. А оказывается, далеко не в последний.

Всю пару она прятала глаза и толком его не слушала. Хотелось скорее сбежать отсюда вон. И желательно никогда с ним не встречаться, но это, увы, невозможно. Зарубежная литература у них будет, судя по расписанию, дважды в неделю. И если на лекции ещё можно затеряться в толпе, то на семинарах придётся сидеть у него практически под носом.

Едва закончилась пара, Юлька устремилась к двери, но он её зачем-то остановил.

Зачем? Что ему от неё надо? Неужто сейчас тот случай припомнит? Она же сразу умрёт от стыда!

Юлька сглотнула, вдохнула поглубже и, старательно скрывая смущение, подошла. Даже смогла посмотреть ему прямо в глаза, синие, ледяные, колючие.

Нет, про тот случай он, к счастью, не заикнулся, зато пообещал выгнать вон за опоздание. Это почему-то показалось ей ужасно обидным и даже унижительным. Ещё и это его «госпожа Аксёнова» прозвучало как насмешка. Она вылетела пулей. Мерзкий, заносчивый тип!

Пятничный семинар она и вовсе прогуляла. Не нарочно, просто перед занятиями у входа в институт её подловил Лёша. Требовал вернуть ему какую-то книгу, которую Юлька, очевидно, прихватила заодно со своими вещами, и которая ему нужна позарез. Еле от него отбилась, но на первую пару опоздала. Поднялась, покрутилась возле аудитории, но зайти не решилась. Вдруг он действительно выставит её вон? Такого позора она не потерпит.

Ну и вообще, видеть его лишний раз не хотелось. Ещё больше не хотелось привлекать внимание.

И так на каждой перемене от одноклассниц только и слышно: «Анварес! Анварес!». Тошно...

Гадали дурочки, есть ли у него кто. С увлечением обсуждали, на какой машине ездит, как одевается, искали его в соцсетях и сокрушались, что там этого хлыща не обнаружили.

Юльку всё это бесило неимоверно. Но если бы кто-нибудь спросил, почему это так её раздражает, она и сама не смогла бы ответить.

После семинара одноклассницы и вовсе явились на английский, словно наглотались все вместе веселящего газа. Изольда, правда, мигом их пыл охладила. Но перед парой они охали и вздыхали с блаженными улыбками, вспоминая, как он посмотрел да что сказал. Фу!

Юлька не выдержала, фыркнула:

- Ой да ничего в нём особенного нет. Строит из себя много, будто он не какой-то там обычный препод, а принц голубых кровей. Смешно даже.

Девчонки тотчас на неё накинулись.

- Да много ты понимаешь! Он классный! Зрение проверь. А как говорит - так вообще заслушаешься.

Люба Золотарёва прищурилась:

- Если он такой обыкновенный, что ж ты на первой лекции как столб встала, когда его увидела? Так на него пялилась, аж рот открыла.

- Это тебе, Золотарёва, зрение надо проверить, - вспыхнула Юлька, пожалев, что вообще ввязалась в этот дурацкий спор, - если умудряешься видеть то, чего не было.

- Ну да, ну да, - хмыкнула Люба с самым многозначительным видом. - К твоему сведению, Александр Дмитриевич сказал, что за пропуски семинаров без уважительной причины зачёт не поставит. Просил тебе передать лично.

Юлька почувствовала, как пламенеют щёки. Вот ещё краснеть не хватало!

- Спасибо, ты такая заботливая, прямо на слезу от умиления пробивает, - полыхая смущением и ещё больше злостью, процедила Юлька.

Чёртова Золотарёва, чёртов Анварес, чёртова Нелька Грекова со своим дурацким спором!

19

За минувшую неделю Юлька с соседкой по комнате не обмолвилась ни словом. Инна демонстративно дулась. Ну а Юльке, по большому счёту, было плевать на её обиды. Она с ней и сама не разговаривала, не хотелось - не о чем и неинтересно.

Во второй комнате их секции жила семейная пара, Оля и Егор - оба студенты пятого курса. Егор держался вполне приветливо, улыбался, подмигивал. Лучше бы, конечно, не подмигивал, но пусть уж так, потому что с Олей, например, и вовсе не заладилось.

Юлька жарила яичницу на общей кухне, когда к ней подскочила Оля.

- Это, блин, как называется?! Это наша конфорка! Вот эти две ваши, а эти две наши.

Юлька посмотрела на неё, как на ненормальную.

- Что за бред? Ты купила полплиты? Потому что моё - это значит мною куплено.

- Не строй из себя дуру. Мы всё тут поделили...

- Я ни с кем ничего не делила. Кухня общая, плита общая, до свидания.

Оля бы ругалась и дальше, но на шум вышел Егор и увёл жену. Из комнаты потом доно-
силось:

- Какого хрена ты вписался за эту сучку наглую? Сегодня она нашей плитой пользуется, завтра будет есть из нашей посуды нашу еду. Ну а чо? Общежитие же!

Егор что-то бубнил в ответ, пытаясь утихомирить Олю.

А через несколько дней Юлька с ней снова сцепилась. И опять же полем боя стала кухня.

Накануне Юлька ездила на выходные к тёте в Радищево, по настоянию матери. Ночевала у неё и вернулась лишь в воскресенье ближе к вечеру. Тётя нагрузила ей с собой полный рюкзак всякой снеди. Юлька принялась распакивать свёртки в маленький допотопный холодильник и тут обратила внимание, что куда-то исчезла едва начатая палка докторской. Вообще, дома Юлька питалась как попало. Чипсы, сухарики, печенье - основной её рацион. Максимум - могла приготовить на скорую руку яичницу или соорудить бутерброд. А тут колбаса исчезла...

Она огляделась и обнаружила пропажу на подоконнике. Судя по запашку, докторская пролежала там все выходные.

На кухню вплыла Оля с двумя пустыми кружками. Поставила их в мойку.

- Ты похозяйничала? - спросила её Юлька, кивнув на подоконник.

- Нечего совать свой хавчик на нашу полку. В следующий раз вообще выброшу в мусорку.

Юлька сжала губы так, что желваки заходили. Решительно распахнула холодильник, выхватила оттуда посудину с каким-то варевом.

- Ты совсем уже?! - взвизгнула Оля. - А ну поставила на место!

Но Юлька рванула напрямик в туалет, Оля семенила следом, цеплялась за руки, материлась.

- Только попробуй, и я тебя...

Юлька даже не дослушала - не колеблясь, вытряхнула всё в унитаз и смыла. Затем сунула Оле пустую чашку в руки.

- Ну всё, сука, тебе конец, - пообещала Оля, зло прищурившись.

- Сейчас в обморок от страха грохнусь.

Тем не менее Юлька выяснила чуть позже у Егора - Инна по-прежнему хранила гробовое молчание, - какие чьи полки, конфорки, чашки-ложки. И всё переставила-переложила. Даже извинилась перед ним.

- Ты прости, Егор. Если б твоя жена нормально мне всё объяснила, я бы не стала...

- Да забей, - подмигнул он привычно и ушёл к себе, насвистывая.

20

Следующие две недели Юлька ходила в институт, как бог на душу положит.

На первом курсе тоже был такой период, весной, когда ей занятия стали вдруг до лампочки. Тогда дома, с Лёшей творилось чёрт-те что, и думать о серьёзном она попросту не могла. Ну а сейчас она даже не старалась хоть как-то оправдать своё наплевательское отношение.

Вновь на неё навалилась хандра. Причём случилось это в одночасье и, что самое странное, без всяких видимых причин.

Она болталась по торговому центру и в одном из павильонов за стеклянной стеной увидела вдруг Анвареса. Он был не один, а с какой-то женщиной, худой, невысокой, в очках. Пепельные волосы собраны в тонкий хвостик. Юбка ниже колена, свитер с глухим воротом, туфли на платформе. Типичный синий чулок. А ещё она, по мнению Юльки, совсем «не шла» ему.

Он, конечно, тоже, похоже, ещё тот книжный червь, но в нём чувствовался стиль, чувствовалась порода, что ли. Эдакий потомственный дворянин с соответствующими замашками. Хотя нет, он же вроде как испанец. Ну, значит, гранд с самомнением до небес.

А она... мышка, серенькая мышка, неинтересная и невзрачная.

Юлька, не отдавая себе отчёта, остановилась в нескольких шагах от павильона, напряжённо наблюдая за парочкой.

«Мышка» примеряла шёлковые шарфики, крутилась, перед зеркалом, перед ним, а «гранд» смотрел на неё со скучающим видом.

А потом вдруг поднял глаза и посмотрел прямо на Юльку, совершенно целенаправленно, будто почувствовал.

Сердце испуганно дёрнулось, точно её застали врасплох за чем-то нехорошим. Она поспешно отвернулась и припустила прочь, ругая себя за глупость.

Какого чёрта она на него так тарасилась? Вдруг подумает, что она следила за ним, а не случайно встретила?

Да и сбегать было глупо - лучше бы приветственно кивнула. А так... глупо, глупо. Она поморщилась. И главное, сама не поняла, что на неё нашло. Почему так рванула оттуда, да и вообще зачем за ними наблюдала.

21

Спустя время стыд немного утих, однако навалилось вдруг ощущение острого одиночества и тоски. Как будто чего-то до боли не хватало, чего-то жизненно важного, но вот чего именно - не понять. Это ощущение давило и угнетало, вызывая резкие перепады настроения. То её всё бесило - могла взвиться на малейший пустяк; зло язвила и огрызалась; дерзила даже Изольде в те редкие дни, когда всё же появлялась на парах. А то наоборот впадала в беспросветную апатию и тогда могла часами валяться на кровати, слушая в наушниках какую-нибудь психоделику.

Такая ерунда творилась с ней впервые. Тогда, с Лёшей, ей тоже было плохо, но то «плохо» хотя бы казалось понятным и объяснимым. Она знала, чего хочет и как-то старалась выкарабкаться. А теперь в голове полная каша, а в душе - смятение.

И чувство одиночества не смолкало. Грызло, словно недуг, словно затянувшаяся простуда, грозящая перерасти в хроническую болезнь.

Юлька даже ездила к девчонкам в Первомайский, хотя зарекалась. Просто терпеть это ощущение одиночества и ненужности сил уже не хватало.

Однако настроение в тот день было злое, зря приехала. Как только сообщила им, что тот парень из клуба теперь её препод, девчонок как прорвало.

Сначала никак поверить не могли, а потом вопросами идиотскими засыпали. А Юлке думать о нём, говорить о нём было уже невозможно. В итоге - психанула из-за какой-то глупой Нелькиной шутки и умчалась в сердцах.

Инна тоже по-своему нагнетала. Вообще-то она неожиданно подобрела и даже предприняла несколько неловких попыток помириться. Юлька бы откликнулась - она вообще-то совсем не злопамятна, как все вспыльчивые, и ценила вот такие первые шаги, потому что по себе знала, как нелегко они даются. Но хандра засосала, как болото, и лишнее вторжение в личное пространство она воспринимала в штыки.

Раздражало ещё и то, что у Инны, у этой со всех сторон правильной зануды, тоже появился кавалер. Такой себе, не очень, Юлька бы на него и не взглянула. Долговязый, тощий с прямым пробором, как у попа, и, главное, ещё более занудный. От их нечаянно услышанного разговора стало тоскливее, чем на лекциях по политологии, на которых половину потока неизменно клонило в сон.

Но не в этом суть, а в том, что у всех кто-то есть. Все с кем-то, а она - одна.

Летом это её не тяготило, а сейчас изрядно добавляло мрачных тонов к разгулявшейся депрессии. Была даже мысль с кем-нибудь замутить, просто чтоб развеяться. Однако и знакомиться тоже не тянуло.

22

Весь четверг кто-то упорно названивал, но Юлька тоже упорная - не отвечала. Вызовы с незнакомых номеров она и в лучшие-то времена не часто принимала. Однако в пятницу, буквально с половины восьмого телефон вновь стал надрываться. Спросонья, не разлепляя глаз, Юлька взяла трубку. И это оказалась староста группы, Любка Золотарёва.

- Аксёнова, ну наконец-то! До тебе не дозвонишься. Ты там как вообще? Жива-здорова?

- Тебе чего? - буркнула Юлька, жалея, что забыла отключить звук.

- Ничего. Тебя в деканат вызвали. Сегодня в двенадцать тридцать должна явиться. Если болела, бери справку...

Юлька отключилась. Она и правда ведь болела, и до сих пор болеет. Не телом, а душой. Ей же плохо, значит - больна. Но в деканате этого не скажешь. И не пойти нельзя.

Роман Викторович Волобуев, декан, известный самодур. Не явишься - воспримет как личное оскорбление и всё сделает, чтобы вышвырнуть.

У деканата подпирали стенку ещё два лоботряса с одинаково тоскливыми лицами. Тоже, видать, отличились.

Волобуева побаивались у них и безгрешные. Те, кто у него учились, шли на его пары, как на Голгофу. А уж те, кого он вызывал к себе на ковёр за провинность, больше напоминали мучеников накануне казни. А всё потому что выволочки он делал такие, что и заикой можно остаться. А если уж совсем не в духе, мог подать ректору на отчисление несчастного.

Вот все и тряслись, гадая, в каком декан настроении. И если бы не спасительная хандра, Юльку тоже потряхивало бы.

Парней разбирали первыми. Из-за плотно закрытой двери доносился раскатистый бас Волобуева. Отчитывал он с душой, обстоятельно, долго, так что придётся ждать и ждать. С другой стороны, израсходует гнев на них - ей меньше достанется.

Так и получилось - Волобуев выглядел усталым и не столько злым, сколько раздражённым.

- Аксёнова? Почему столько пропусков?

- По семейным обстоятельствам.

- Месяц, считай, прошёл, а тебя некоторые преподаватели в лицо ни разу не видели. Скоро аттестация, и ты её не пройдёшь. Положенище у тебя зыбкое. А завалишь вторую аттестацию - отчислим за академическую неуспеваемость. Даже до сессии не допущу. Ясно?

Аксёнова кивнула.

- Ступай, - небрежно махнул он рукой.

Не то чтобы Волобуев напугал её, но уже и самой захотелось наконец встряхнуться. Надоело киснуть и страдать. Не в её ведь это духе.

23

С понедельника Юлька первым делом решила всерьёз взяться за учёбу. Взяла у одногруппниц конспекты, все выходные старательно переписывала до немоты в руке. Ни черта, конечно, не запомнила, только всё перемешалось в голове.

Её замечательный порыв чуть на корню не сгубила Изольда. Раньше она всегда срывалась на Рубцовой - чего, кстати, тоже никто понять не мог, Рубцова же отличница круглая. Ну а тут эта мегера ни с того ни с сего вызверилась на Юльке.

Юлька попрекалась, но вяло, потому что половину тирады попросту не поняла - Изольда на паре говорила исключительно на английском. Однако по выражению лица и тону догадалась, что та говорит гадости.

Вторник прошёл как по маслу, а в среду она уже занервничала. Потому что в среду второй парой - лекция у Анвареса.

Мелькнула малодушная мысль не пойти, но пошла, больше назло себе. Когда это она пасовала перед трудностями?

Проскользнула, не глядя, в конец зала, спряталась за чьей-то широкой спиной. А потом пожалела, когда вслушалась. Умел он рассказывать, стоило признать этот факт. Говорил, вроде, не самые увлекательные вещи, но так, что хотелось слушать, хотелось знать, что будет дальше. И видеть его хотелось при этом.

Как-то не вязалась его вдохновенная речь с образом холодного сноба.

Юлька ёрзала, пыталась выглянуть из-за плеча верзилы, за которым поначалу нашла укрытие. Она бы и пересела, да Анварес собрал аншлаг - ни одного свободного места поблизости.

Он оборвался довольно резко, словно спохватился - и действительно украл почти пять минут от перемены, но никто и не пикнул. Сидели, молчали. Точнее, молча слушали. Затем засобирались, медленно, будто потихоньку приходя в себя от его чар.

Юлька хотела прошмыгнуть незаметно, но, проходя мимо лекторской кафедры, не удержалась - метнула торопливый взгляд и напоролась на его ответный. Щёки тотчас полыхнули румянцем, она закусил губу и поспешно покинула аудиторию.

Четверг прошёл в ожидании пятницы, одновременно томительном и тягостном. Ощущения свои она не анализировала, не задумывалась, с чего вдруг так.

Только вот семинар Анварес вёл иначе, чем лекцию. Это чувствовалось сразу. Там он был поэт, тут - инквизитор. Там - горел страстью, тут - пронзал арктическим холодом.

На Юльку не обращал никакого внимания. Если и смотрел, то равнодушно, как на пустое место. Совсем не так, как накануне, после лекции. И не так, как тогда, в торговом центре.

Дважды спросил кое-что по одной из прошлых тем. Она не ответила. Вспоминались отдельные обрывки - переписывала же конспекты двух его лекций, которые пропустила, но то или не то - сомневалась. Поэтому молчала, считая, что лучше вообще ничего не сказать, чем сморозить чушь.

В конце семинара Анварес буквально пригвоздил её ледяным взглядом и бесстрастно произнёс:

- Смею надеяться, на следующем семинаре госпожа Аксёнова не только почтит нас своим присутствием, но и начнёт хотя бы мало-мальски думать.

Слова его прозвучали очень унижительно. Считай, дурой обозвал. У Юльки возникло ощущение, будто он прилюдно отвесил ей пощёчину. В груди заколотилась обида.

- Я, господин Анварес, всегда думаю, - огрызнулась она.

- В таком случае, - надменно, краешком губ улыбнулся он, - буду надеяться, что вы до чего-нибудь всё-таки додумаетесь и разродитесь наконец мыслью.

Юлька взглянула на него с ненавистью. Какого чёрта он при всех её оскорбляет? Подумаешь, не смогла ответить на его вопросы - это что, повод вести себя как сволочь и смешивать человека с грязью?

До конца пары оставались считанные минуты, но и их высидеть она теперь не могла. Схватила свой рюкзак и демонстративно покинула аудиторию.

24

Слова Анвареса зацепили её гораздо больше, чем того хотелось бы. И что самое неприятное - терзало её не столько его изящное хамство, сколько сам факт, что он считает её, очевидно, дурой.

Ну и пусть - говорила себе. Не плевать ли, что там думает про неё этот самонадеянный хлыщ?

Однако, оказывается, не плевать. Как она ни заглушала в себе это зудящее, навязчивое чувство, оно лишь свербело ещё больше. Хотелось, прямо до невозможности, чтобы он изменил своё мнение.

Она ведь не дура на самом деле - в школьном аттестате всего три четвёрки: по алгебре, геометрии и физике. А литература и вовсе была излюбленным предметом.

Так что - нет, она ему докажет, что он поспешил с выводами. К следующему семинару хорошенько подготовится и продемонстрирует, как он сам выразился, «мысль».

Почему её так волнует отношение Анвареса, Юлька старалась не задумываться. Ну волнуется и волнуется. Это же нормально, когда хочется, чтобы о тебе были лучшего мнения.

Притом если бы её кто-нибудь спросил, как сама она относится к нему, то Юлька без колебаний ответила бы, что терпеть его не может, что он её бесит этой своей заносчивостью и дурацкой чопорностью, да и просто так бесит.

Следующую неделю она не только присутствовала на парах, но и слушала, конспектировала, вникала. Посещала даже те лекции, на которых не отмечали.

И уж с особым тщанием она готовилась к пятничному семинару по зарубежной литературе. Буквально наизусть выучила лекцию Анвареса, прочитала дополнительно несколько литературоведческих статей на тему, кое-какие фразы даже выписала себе в виде плана. В общем, явилась во всеоружии.

25

Анварес явился минута в минуту, сухо со всеми поздоровался и тут же начал бомбить вопросами.

Выглядел он, конечно, на все сто и даже двести. И от этого казался ещё более неприступным. Хотя Юльке никогда не нравился такой вот официальный стиль одежды: костюмчики, рубашки, начищенные до блеска туфли. Но ему шло. Именно таким он смотрелся органично, хотя и слегка пижонисто.

Юльку он половину пары попросту игнорировал. Ей даже обидно стало. Зря, что ли, готовилась? А поднимать руки, как в школе, было здесь непринято.

Она уже успела заскучать, как он вдруг соизволил спросить:

- Как вы считаете, госпожа Аксёнова, каков основной смысл романа «Великий Гетсби»? И почему Фицджеральд назвал главного героя великим?

Юлька подглядела в тетрадь, нашла пометку «идея произведения...», быстро пробежалась глазами и выдала, как по писанному. Чётко, логично, с примерами.

А чёртов Анварес... он даже не дослушал её до конца, прервал на полуслове:

- Если я захочу почитать критические статьи, я их и читаю. У вас, госпожа Аксёнова, я спросил ваше личное мнение, если оно, конечно, имеется.

Юлька растерялась. Он выждал недолгую паузу, затем спросил жёстко:

- Вы роман читали?

Она бездумно кивнула, хотя не читала. Только краткое содержание просмотрела на одном из сайтов.

- Неужто во время чтения у вас не возникло совершенно никаких мыслей? Своих мыслей?

- Возникло, - продолжала врать Юлька, чувствуя, как стремительно краснеет.

- И какие же? - продолжал допрос Анварес с каменным лицом.

- Я их уже озвучила, - решила она идти до конца. - Просто они совпали с мнением автора статьи.

- Вот как? - изогнул он бровь. - Так вы у нас, госпожа Аксёнова, настоящий критик и литературовед, выходит, если судить по изложенным вами выводам.

Проклятый Анварес приблизился и встал напротив неё, сложив руки на груди. Сердце её тут же забило быстрее, и во рту пересохло. Юлька облизнула губы, стараясь изо всех сил скрыть нахлынувшее волнение.

- В таком случае побеседуем?

Юлька напряжённо молчала. Анварес пронзал её взглядом насквозь, словно рентгеновским лучом, и, очевидно, прекрасно понимал, что она врёт, что на самом деле ничего она не читала и тем не менее хотел выставить её на посмеище. Гад! Бездушный гад!

Он сыпал вопросами, причём намеренно спрашивал то, о чём в критических обзорах даже и не упоминалось.

Юлька молчала, сгорая от стыда. Нет, он не торжествовал в своей правоте. Хуже. Он смерил её таким взглядом, будто она совершенно никчёмна и ничтожна. А затем отвернулся и больше уж не смотрел в её сторону.

Оставшуюся часть семинара Юлька еле высидела - ни с того ни с сего вдруг захотелось разрыдаться, а это уж совсем ни в какие ворота.

На первом курсе, после её затяжного загула, ей и не такое довелось услышать от того же Волобуева, да и не только от него, но ничего, пережила, не морщась. А тут аж трясло мелкой, противной дрожью и щипало глаза.

Юлька сглотнула подступивший к горлу ком и вытянув руки поперёк столешницы, демонстративно уронила на них голову. Плевать. Если ещё что-нибудь скажет, она опять уйдёт.

Но Анварес как будто забыл о ней, не видел, не замечал. И это тоже ранило. Даже не понять, что сильнее - его невнимание или его оскорбления.

Но как бы Юлька ни злилась на Анвареса, за выходные тем не менее бегло прочла и «Великого Гетсби», и «Театр» Моэма, и «Опасный поворот» Пристли, беспечно забив на все остальные предметы. А всё потому что из головы никак не шёл его взгляд, причём не тот холодный и пренебрежительный, а другой, который она украдкой перехватила тогда, после лекции...

26

За целую неделю - с понедельника по четверг - Юлька видела Александра Дмитриевича, если не считать лекции, всего дважды, хотя постоянно ловила себя на том, что во время перемен высматривает его в толпе. А когда всё-таки встретила - один раз в холле, второй - на лестнице - демонстративно не поздоровалась. Он же её обидел.

Ну а в пятницу шла в институт сильно заранее и вся на взводе.

В том, как её неодолимо тянуло увидеться с ним, был явно какой-то нездоровый оттенок. Вопреки всем своим убеждениям, она получала странное болезненное удовольствие. Не сказать, что это чистой воды мазохизм, но нечто схожее. Каждая ведь встреча с Анваресом заканчивалась плохо. Он унижал её, оскорблял, она злилась, страдала, даже всплакнула после прошлого семинара, а всё равно рвалась увидеть его. Разве это нормально?

И сейчас Юлька не ждала ничего хорошего и при этом торопилась, хотя времени до пары оставалось ещё много.

Правда, себе она говорила, что так спешит, потому что погода мерзкая - ветер, дождь, холод собачий. Вот она и неслась в припрыжку. И чуть не налетела на Рубцову. Та стояла с таким видом, будто впала в транс. Ещё и в промокшей блузке, тогда как Юльке и в утеплённой куртке было зябко.

Юлька отвела явно ничего не соображающую Рубцову в институт, дала ей свою толстовку погреться. Заодно полюбопытствовала, с чего вдруг та вздумала гулять под дождём. В принципе, ей было плевать - Рубцова ей никогда не нравилась, но не молчать же.

Та сначала помялась, а потом вдруг рассказала всё, как есть, даже не пытаясь выставить себя в лучшем свете. И такая бесхитростная откровенность Юльку неожиданно тронула. А ещё вспомнился Лёша, точнее, тот жуткий день, когда он её бросил.

27

На пару к Анваресу они чуть не опоздали. А лучше бы вообще не пошли.

Он взъелся на обеих, ну и высказался в своём духе. Только на этот раз Юлька молчком сносить оскорбления не стала - дерзила всю. Но он, гад такой, принижал её ещё больше, каждое слово выворачивал против неё же. В конце концов она не выдержала и покинула аудиторию, утянув за собой и невменяемую Рубцову.

После второй пары Юльку задержала в аудитории староста.

- На пару слов, - строго сказала Люба Золотарёва, придержав Юльку за рукав.

- Ну? - Юлька неосознанно дёрнула рукой, высвобождаясь - не любила, когда чужие её касались. - Живее можно? Я ещё в столовую хочу успеть.

- Аксёнова, слушай, ты давай уже завязывай на зарубежке выступать. Так-то мы туда не за тем ходим, чтобы твои взбрыки слушать. Ты учиться нам мешаешь.

- Это я выступаю? - искренне изумилась Юлька.

- Ну а кто из семинара в семинар демонстрирует Александру Дмитриевичу свой гонор?

- Вообще-то, это он меня оскорбляет. Я что, по-твоему, с этим мириться должна?

- Ой да подумаешь... Как он тебя оскорблял-то? Ты просто уже не знаешь, как ещё к нему прицепиться.

- Что?! Это я к нему цепляюсь? Да ты слепая, что ли?

- Как раз наоборот, - противно ухмыльнулась Люба. - И я, и остальные, мы все прекрасно видим, что ты прямо не знаешь, как ещё привлечь внимание Александра Дмитриевича. Сегодня он вообще не к тебе обращался, а к Алёне, но ты как всегда... Просто ты запала на него, а ему на тебя плевать, вот ты и бесишься...

- Что?! Да вы с ума посходили с этим Анваресом! - взвилась Юлька. - Я, чтоб ты знала, терпеть его не могу! Век бы его не видела. Мерзкий, злобный хлыщ. А ты - дура.

Юлька, не церемонясь, оттолкнула старосту, заслонявшую дверной проём, и выскочила в коридор.

Это же надо такое ляпнуть! Ненормальная! Откуда вообще такие выводы? Вот возьмёт она и вовсе не будет ходить на его пары. В груди тоскливо заныло. Снова защипало в глазах.

28

Юлька тяжело опустилась на корточки в конце коридора, притулившись за кадкой с монстерой. Откинув голову назад, упёрлась затылком в холодную стену.

Слова Золотарёвой неожиданно выбили у неё почву из-под ног. Лишили невидимой опоры, помогавшей ей вполне сносно, как казалось ей самой, держаться, ни намёком не выказывая эту болезненную тягу.

Юлька поморщилась и с тихим стоном выдохнула. На самом деле, это не Золотарёва ненормальная, это сама Юлька ненормальная. Совсем с ума сошла, раз допустила такое.

Это же точно какая-то патология. Она ведь правда ненавидит его, он так её злит, как никто. Однако стоит его вспомнить - сердце тотчас заходится. И вот это тоже - вспомнить... Как будто она его забывает! Да она думает о нём беспрестанно: спать ложится - думает, просыпается - думает, ест, читает, слушает музыку, моется в душе, бежит в институт - думает. Так что пора прекратить врать хотя бы самой себе.

Юлька вновь горестно вздохнула. Ну вот как её так угораздило? Мало ей было страданий с Лёшей? А тут ведь ещё хуже, тут вообще всё настолько безнадежно и глухо. Тупик.

Ко всему прочему, он, увы, несвободен. Та, что тогда примеряла шарфики, кто она ему? Невеста? Гражданская жена? Обручальное кольцо он не носил - девчонки это обсудили ещё в самом начале, - значит, не женат.

Впрочем, даже не это главное, а то, как он относился к Юльке. А относился он к ней плохо, и это ещё скромно сказано. Он смотрел на неё и говорил с ней так, будто она недочеловек.

Настроение упало ниже некуда.

Третья пара уже шла вовсю, коридор опустел.

Юлька собралась, было, вылезать из своего укрытия и топать домой, когда дверь одной из аудиторий распахнулась и оттуда вышли двое: Анварес и та самая мышка с шарфиком.

Юлька тотчас напряжённо замерла.

Звякнув ключами, он закрыл аудиторию и двинулся напрямик в сторону Юльки. То есть, понятно, что парочка направилась к лестнице, но это буквально в паре метров от её укрытия.

Юлька вжалась в самый угол, прячась в спасительной тени разлапистой монстеры, с затаённым дыханием наблюдая, как они подходили всё ближе и ближе...

29

- Саша, ну почему ты не можешь пойти со мной? Пятница ведь.

Юлька в первый момент даже не поняла, что женщина обратилась к Анваресу. Буквально всё в нём - от внешности до манер - как-то совсем не вязалось с простым и тёплым именем Саша. Александр - да, вполне, но не Саша. Она попробовала это имя на языке, неслышно прошептав раз, другой. Нет, оно диссонировало с его образом и всё тут.

Затаившись, Юлька вслушивалась в их диалог, боясь упустить хоть слово, однако при этом чувствовала себя премерзко, словно она намеренно за ними шпионила. Но не затыкать же теперь уши.

- Саш, ты же говорил, что тебе в тот раз с ними было интересно. И ты им тоже понравился. Ну что тебе мешает составить нам компанию? Посидим опять вчетвером в том японском ресторанчике, тихо, культурно. Лучше же, чем торчать одному в своей холостяцкой берлоге...

- Я не хочу, вот и всё, - отрезал он, не дав ей договорить. - У меня выдалась нелёгкая неделя, я хочу просто пойти домой, в свою холостяцкую берлогу, и просто отдохнуть от всего.

- Это из-за Жбанкова? Но это смешно - обращать на него внимание. Он тебе просто завидует, понятно же.

- Да нет... причём тут Жбанков, - качнул он головой. Хмурый такой, будто зубы болят. - Говорю же - просто не хочу.

- Но мы и так теперь совсем мало времени проводим вместе. Только в институте и видимся...

Юлька хмыкнула про себя. Наш испанский гранд, похоже, отшивал свою настойчивую подругу. Значит, не так уж она ему и дорога?

Они дошли до лестницы, но тут женщина остановилась, раскрыла сумочку, стала в ней рыться. Он просто стоял рядом, глядя на неё выжидающе.

- Чёрт, кажется, я ключи на кафедре оставила. Ты подожди тут, я быстренько...

Она развернулась и торопливо зацокала каблучками.

Анварес вздохнул, заложил руки в карманы.

Он стоял совсем близко. Их разделяло буквально три-четыре шага, и Юлька с жадностью рассматривала его сквозь прорези в листьях монстеры. Красивый какой, сволочь! Аж в груди щемит от одного взгляда. Даже странно, ведь такие пижоны-ледышки в дорогих костюмчиках ей никогда не нравились. Да и сейчас «нравится» - это совсем не то слово. Её дикая, бесконтрольная тяга - это вовсе не симпатия. Это вообще не пойми что...

И вдруг в рюкзаке загудел виброзвонок. Юлька, холодея от ужаса, поняла, что неотвратимо произойдёт через секунду. А через секунду телефон взвыл пронзительным запилом "Сепультуры", поставленным на Лёшу.

Анварес вздрогнул и резко обернулся в её сторону. Юлька скривилась - какого чёрта?! Ну, почему, почему этому Степнову понадобилось звонить ей именно сейчас?

Больше всего на свете Юльке хотелось в этот момент исчезнуть, просто раствориться в воздухе...

Анварес шагнул, приподнял раскидистую ветвь монстеры и уставился на неё.

- Здравсьте, - кивнула Юлька, глядя на него снизу вверх.

Он ничего не ответил, просто стоял и пялился на неё молча, в немом удивлении, пока за спиной не послышались приближающиеся шажки его подруги.

- Что там такое? - спросила она.

- Ничего, - он отпустил ветку, повернулся к ней и вместе они свернули на лестницу.

Юлька выдохнула. Оказывается, все эти жуткие, бесконечные секунды она даже не дышала.

30

Степнов названивал раз за разом, пока у Юльки не лопнуло терпение.

- Что тебе? - зло ответила она наконец, через ступеньку поднимаясь на второй этаж.

После казуса с Анваресом хотелось немедленно оказаться дома, упасть ничком на кровать, никого не видеть и не слышать. А лучше бы впасть в анабиоз и отмереть через недельку-другую. Чтобы стыд не мучил.

- А ты чего так? - опешил Лёша. - Я же по-хорошему.

- Ты, Степнов, мне только жизнь постоянно портишь, - шипела Юлька раздражённо. А хотелось кричать, но кругом столько любопытных... - Какого чёрта ты мне названиваешь?

- Поговорить хотел, - пробубнил он.

- О чём нам с тобой разговаривать?

- Да просто так. Не чужие же.

- Ой, всё! - поморщилась Юлька. - У тебя там уже есть другая не чужая, с ней и разговаривай. А меня оставь в покое!

- Так я и знал, - усмехнулся Лёша. - Всё к этому и сведётся...

Дослушивать его Юлька не стала, сбросила вызов. Затем внесла его номер в чёрный список. Даже самой не верилось, с какой лёгкостью она вычеркнула Лёшу из жизни.

В комнате Инны не оказалось. И слава богу. Тишина - вот что сейчас требовалось Юльке прежде всего. Чтоб никто не дёргал, не приставал с вопросами, не нервировал. Надо обдумать всё в тишине. Понять, как так получилось и что теперь со всем этим делать.

Однако ничего толкового на ум не приходило. А от мыслей об Анваресе только ныло внутри. Как это терпеть? Как ходить на его занятия? И как вообще вести себя? Таиться? Делать равнодушный вид?

Притворяться Юлька не умела. Ещё мать всегда твердила, что все её мысли на лице написаны. И всё же надо постараться...

От тяжких дум её вновь отвлёк телефон. На этот раз звонила Алёна Рубцова. Юлька сначала изумилась - откуда у Рубцовой её номер. Но затем вспомнила, что сама же сегодня добавила ей себя в контакты, да ещё и настоятельно попросила держать в курсе.

Обычно она так не делала, но эта Рубцова совсем уж какая-то потерянная была. Даже страшно за неё стало по-настоящему - не учудила бы чего. Такие вот тихони, когда в конце концов срываются, творят совершенно безумные вещи. Вот Юлька и проявила участие. Ну а потом из-за Анвареса совсем забыла...

- Да?

- Он не стал меня слушать! - всхлипнула Алёна в трубку. - Я пришла к нему, как ты и советовала. А Максим... как будто не слышал меня. Хотя я и сама ничего не смогла нормально объяснить.

Алёна горько разрыдалась.

- Не хнычь, - поморщилась Юлька. - Я тебя и так плохо слышу. Он тебе хоть что-нибудь сказал?

- Сказал, - уже тише всхлипнула Рубцова. - Сказал, что разочаровался во мне. И что между нами всё кончено. И я ему так ничего и не смогла объяснить...

- Ну тогда возьми да напиши. Слушать, может, и не захотел - а прочесть прочтёт. Объясни всё, скажи, люблю, не могу...

- Думаешь, поможет? - с надеждой спросила Алёна.

- А то!

- Спасибо тебе!

Юлька горько усмехнулась про себя, вот уж точно - чужую беду руками разведу, а что самой делать - без понятия.

31

На следующий день, точнее, вечер, Степнов нарисовался уже собственной персоной.

Юлька, как прилежная, корпела над уроками, а тут он. Трезвый, скромный, почти как когда-то давно. Топчется у порога, просит её выйти поговорить.

Выходить и говорить совершенно не хотелось. Но устраивать разборки при Инне не хотелось ещё больше.

Шумно вздохнув, она отложила учебник, накинула кофту и вышла в коридор, затем свернула на лестничную площадку.

- Может, посидим где-нибудь? - предложил Лёша. - Тут у вас поблизости пиццерию видел...

- Я, Степнов, занята сейчас. Ты просил поговорить - говори. У тебя пять минут.

- Разговор-то серьёзный... Не на пять минут...

Но Юлька сложила руки на груди, всем своим видом показывая, что с места больше не сдвинется. И что вообще - время пошло.

Лёша помялся, но всё же настаивать не стал.

- А ты классно выглядишь.

Юлька молчала.

- Только какая-то другая стала...

Без ответа.

- А мы с Мариной расстались...

- Что ж так? Так быстро кончилась большая любовь? - не удержалась от насмешки Юлька.

- Да какая там любовь? Вот у нас с тобой была любовь. А с ней так... Нашла там себе какого-то папика... Но это даже хорошо. Я даже рад.

Опять тишина.

- Юль, я такой дурак был! Знала бы ты, как я жалею, что с тобой расстался. Идиот! Я даже не знаю, что на меня тогда нашло. Какое-то дурацкое помутнение. Ещё пацаны всё время зудели, типа, ты, Лёха, подкаблучник. А я, как дурак, повёлся. Но теперь-то я понимаю, что мне только ты нужна.

Лёша замолк, посмотрел на неё выразительно.

- Ну?

- Что - ну?

- Юль, ну скажи же что-нибудь!

- А мне, Лёша, нечего тебе сказать, - честно ответила Юлька.

- Ну мы же с тобой со школы вместе, ты же у меня первая. Разве это не важно? Разве может одна ошибка перечеркнуть всё, что было?

- Ой, только не надо пафоса, Степнов!

- Да я правда так думаю! Это самая большая моя ошибка. И я очень сильно раскаиваюсь. Юль, дай мне ещё шанс. Давай попробуем снова, а?

- Давай лучше останемся друзьями? - съязвила Юлька.

- Издеваешься? Ну что мне сделать, чтоб ты меня простила?

- Лёш, ты пойми - ты можешь что угодно делать или не делать. Это уже ничего не изменит. Я просто ничего не хочу... с тобой. Всё. Поезд ушёл. Мне другой человек нужен, не ты.

Лёша не верил. Думал, что она это в отместку говорит. Заверял, что больше её не отпустит, что ещё добьётся своего. Цеплялся за рукава кофты, норовил обнять.

Юлька еле отбилась от него, но когда вернулась в комнату, ощутила резкий прилив хорошего настроения.

Как странно - ведь ей в самом деле уже плевать на Лёшу, совсем. Для неё это пройденный этап. Вот он слова ей красивые говорил - и хоть бы что в сердце дрогнуло. Нет, всё тихо. Потому что там теперь другой. А всё равно стало вдруг приятно...

32

Анварес всё-таки поддался уговорам Ларисы. Поехал с ней на встречу с друзьями.

Сам не мог сказать, почему согласился - наверное, не хотел всё же остаться наедине со своими мыслями, от которых и так спасения не было.

Но встреча не помогла.

Во-первых, ему всё не нравилось - место, меню, даже музыкальное сопровождение.

Освещение здесь было устроено так, что всё казалось окрашенным в синеватые тона. И это каким-то образом обостряло тоску в душе. Да и синие лица кругом не вдохновляли.

Музыка тоже - вроде и ненавязчивая, журчала тихо фоном, но навевала грусть.

И еда не пошла. Роллам, да и вообще рыбе, он всегда предпочитал хорошо приготовленное мясо с каким-нибудь густым пикантным соусом и свежей выпечкой. Ну а сырую рыбу он и вовсе брезговал брать в рот.

Во-вторых, раздражала и беседа. Каждый старался блеснуть глубокомыслием, изрекая то, что прочитал у кого-то, услышал где-то.

Анваресу же всегда были по душе пусть просто, пусть топорно и даже смешно высказанное, но своё, искреннее мнение. Не профессиональные суждения, а именно личные, непосредственные впечатления и выводы. Этого он добивался от своих студентов - размышлять, а не цитировать Белинского, Лессинга или Адамовича.

Это же он ценил и в обычных разговорах. И всегда чувствовал притворство, желание исподволь щегольнуть своей эрудицией за счёт великих. В его кругу такое случалось нередко. И что печально - это он стал замечать и за Ларисой, особенно в компании её друзей.

Он слушал, как они втроём - Лариса, подруга и супруг подруги - красовались друг перед другом.

Впрочем, слушал он их вполуха, потому что из головы никак не шла эта несносная Аксёнова. Из-за неё он совсем терял голову и, что хуже, самообладание. Взять хотя бы сегодняшний семинар. Зачем он снова с ней сцепился? Почему никак не получается просто её игнорировать?

А она тоже - зачем вот пряталась в коридоре за кадкой? Что за детский сад? Мог бы спросить, конечно, мог бы даже съязвить, но от неожиданности совершенно растерялся.

В тот момент, когда он отвёл ветку и увидел вдруг её, сидящую в углу на корточках, у него буквально вышибло дух.

Вообще-то он, наверное, мог общаться с ней, как надо, как и должен общаться строгий преподаватель с нерадивой студенткой, но на это требовался предварительный настрой. А вот так, неожиданно - куда сложнее. Как ещё чувства не выказал...

Хотя стоп! Какие, к чёрту, чувства? Нет и не может быть никаких чувств. Это просто временное помутнение рассудка, короткое замыкание, которое скоро пройдёт.

33

Это и в самом деле походило на какое-то наваждение. Умопомешательство. Потому что всё в ней ему не то что не нравилось - вообще претило.

К внешности он никогда не предъявлял высоких требований, но кое-какие предпочтения всё же имел. Например, всегда ценил у женщин длинные волосы. Особенно - светлые и особенно - пепельные, вот как у Ларисы. Нравилась ему женственность, нежность, скромность.

В общем, этакие современные «тургеневские девушки-блондинки». И непременно начитанные. Иначе о чём с ней говорить?

Требования вроде и не бог весть, а тем не менее таких днём с огнём не найдёшь, но вот Лариса такая. Ему повезло. Это он себе повторял теперь каждый день. Очень настойчиво.

И всё равно Аксёнова, такая беспутная, резкая, нахальная, лезла в его мысли, разрушая все каноны женского идеала.

Она не вызывала в нём восхищения, уважения или желания лелеять и оберегать. Но глядя на неё, он чувствовал, как у него всё внутри скручивается узлом. Как пол под ногами плывёт. Как сердце начинает колотиться сильнее. Как неотвратно тянет к ней. Весь его организм, как сверхчувствительный прибор, моментально реагировал на её близость. И кто бы знал, каких титанических усилий ему стоило держать все свои порывы в узде!

Никогда с ним такого не случалось. Даже в юном возрасте, когда у всех бушуют гормоны, у него разум всегда играл главную скрипку.

Оттого прежде Анварес искренне недоумевал, когда слышал подобные истории.

«Зов плоти» - ну это же смешно, считал он. «Зов плоти» - это для неандертальцев. А в век стремительного прогресса прикрывать банальную распущенность надуманной физиологией - это просто глупо.

А теперь что?

Неужто, сокрушался он ночами, когда сон не шёл, всё, к чему ты сознательно стремился, чего добивался, что ценил, может так легко кануть только потому, что у тебя вдруг разыгралась та самая пресловутая физиология? Неужто она сильнее, чем разум, чем принципы? Тогда вообще зачем всё это? Зачем эволюция, развитие? Зачем к чему-то стремиться и расти, когда в любой момент может в твоей жизни появиться такая вот... и всё. И твои желания закликиваются на ней одной. И ты как в аду. Потому что бороться с собой - сложнее всего.

Ночами теперь Анварес правда мучился жесточайшей бессонницей. Его терзали противоречивые мысли. Загонял в тупик диссонанс между «хочу», «можно» и «нельзя». А сильнее всего снедало желание, мощное, бесконтрольное, стоило лишь вспомнить её, девицу эту чёртову...

Днём, к счастью, у него выходило справляться с собой, со своей тёмной страстью. Она, конечно, назойливо гудела в венах почти постоянно, зудела в голове, ныла и трепыхалась в груди, а если уж Аксёнова оказывалась совсем близко, то тут же собиралась горячим сгустком внизу живота.

И всё же у него вполне получалось держать это под контролем и даже вида не подавать. Ну, условно держать и не подавать. Потому что хочешь - не хочешь, а эта его «воздержанность» выливалась в злость, вот он и цеплялся к Аксёновой. Цеплялся намеренно - в отместку за свой непокой, за терзания, язвил, доводил, потом себя же и ругал за эти срывы. Но поделать ничего не мог.

В общем-то, эти его выпады не выходили за пределы дозволенного, успокаивал потом себя. Преподы и не так порой изгаляются над студентами.

А вот ночами, иной раз, демоны его вырывались наружу, и эта страсть буквально выжигала тело изнутри так, что приходилось избавляться от напряжения известным способом, подключая воображение. Представлял он её и заходил в своих фантазиях гораздо дальше поцелуя. Однако облегчение после разрядки было недолгим и неизменно сменялось глухой тоской, жгучим стыдом и злостью уже на себя самого.

34

Надо больше общаться с Ларисой, решил для себя Анварес. Одиночество - прямо-таки почва благодатная для всякого рода навязчивых дум и желаний. А когда ты не один, то и мечтать о ком-то иллюзорном не придётся.

Как словом - так и делом. Промаявшись до изнеможения всю субботу, Анварес рванул в воскресенье в Академгородок, предупредив Ларису о своём визите уже по дороге.

Она, конечно, поохала, мол, дома бардак, холодильник пуст, угощать нечем, но, когда явился, искренне обрадовалась ему. И бардака, конечно, никакого не было, и в квартире витал аппетитный запах.

Лариса провела его в комнату - уютную, светлую и чистенькую после недавнего ремонта, сама пошла на кухню.

- Посиди пока, я тут быстро салат доделаю... Скоро обедать будем.

Анварес послушно присел на диван. Время от времени Лариса бросала из кухни отдельные фразы, он поначалу отвечал, потом заметил рядом, на журнальном столике, ноутбук. Придвинулся к столику без всякой задней мысли, просто желая скоротать время ожидания.

Социальные сети Анварес не жаловал, но сразу узнал вконтактную новостную ленту в открытой вкладке. Своего аккаунта он не имел. То есть когда-то, ещё школьником, заводил, назвавшись Зератулом, поскольку в те годы страстно увлекался игрой StarCraft, но давным-давно забросил ту свою страницу. И сейчас, даже если бы захотел, ни за что не вспомнил бы ни логин, ни пароль.

А сейчас вдруг заинтересовался. Только вот то, что он сделал - даже себе не мог объяснить. Зачем? С чего вдруг? Это было, конечно, глупой ошибкой. Глупейшей. Но в тот момент ни о чём таком он не думал, да и вообще ни о чём не думал, просто набрал в поиске Аксёнова Юлия, отфильтровал по городу и - voilà. Прокрутил вниз вереницу других Аксёновых Юль, пока не наткнулся взглядом на знакомое лицо.

Анварес осторожно покосился на дверь - из кухни доносилось мерное постукивание ножа, - затем щёлкнул по фотографии, развернув её на пол-экрана. Тут Аксёнова выглядела совсем юной, ему даже не по себе стало. Девчонка же ещё совсем - стыдно ему, взрослому, зрелому, даже думать о ней в том ключе, в каком думал он.

Ну восемнадцать-то ей точно есть, к счастью, сказал себе и тотчас отдёргнул: «К какому счастью?! О чём я думаю, идиот?!». Он чувствовал себя чуть ли не Гумбертом, хотя разница между ними лет семь, наверняка. Но тут даже не в возрасте дело, а в положении.

35

Надо было закрыть её страницу немедленно, закрыть и забыть.

Он же сам твёрдо решил, что должен выкинуть всю эту блажь из головы, но смотрел на фото и не мог оторваться. Смотрел, не мигая, затаив дыхание.

Тут у неё волосы были значительно длиннее - почти по пояс. Она смотрела в объектив, прищурившись, видимо, от солнца, бьющего прямо в глаза. На губах застыла полуулыбка. Однако выражение лица оставалось непонятным - то ли грустное, то ли мечтательное, то ли ещё какое.

Анварес, едва касаясь, провёл пальцем по её губам, затем спохватился, одёрнул руку и снова оглянулся на дверь. Совсем с ума сошёл!

Там были ещё фотографии, их он тоже просмотрел.

На одной - обнаружил её в раздельном купальнике. Одно название что купальник - два крохотных клочка ткани вульгарно-леопардовой расцветки. И тем не менее поглощая взглядом её изгибы, он почувствовал, как сладко и мучительно сжимается нутро.

Нет-нет, только не здесь, не сейчас! Он быстро пролистнул.

Однако на следующем снимке его и вовсе накрыло - там она стояла в белом сарафане, коротеньком, сильно выше колен, и ела эскимо. Во рту вмиг пересохло. Возбуждённая кровь забурлила по венам, застучала в ушах.

Он снова вернул первую фотографию, солнечную и невинную, пытаясь успокоиться, стряхнуть нахлынувший морок. Но процесс уже пошёл...

- Кто это? - услышал он внезапно за спиной и чуть не подскочил на месте.

Анварес сглотнул, выждал небольшую паузу, затем честно ответил:

- Это одна из моих студенток.

- А чем она так интересна? - улыбалась Лариса, но он видел, точнее, чувствовал - улыбка её была неискренней.

Он пожал плечами. Что он мог сказать? Он и сам не знал, чем она его так зацепила. Да, зацепила, и сильно - пора уже было признаться хотя бы себе самому.

- Надеюсь, - всё с той улыбкой проговорила Лариса, - у тебя с ней нет отношений? Всё-таки на кону твоя карьера.

- Естественно, нет!

- Ты же понимаешь, стоит тебе только оступиться - и всё, чего ты добился, пойдёт прахом. Всё, о чём ты мечтал...

- Ты меня не слышишь? - начал сердиться Анварес. - Я ведь сказал - нет у меня отношений ни с ней, ни ещё с кем-либо, кроме тебя. Её я вообще почти не знаю. Она самая проблемная из моих студентов, прогуливает постоянно. Так что не выдумывай, пожалуйста, всякую ерунду.

- Извини. Просто я волнуюсь за тебя. И не хочу, чтобы у тебя были какие-то проблемы. Мало нам этого завистника Жбанкова, который, по-моему, за каждым твоим шагом следит. Только и ждёт какой-нибудь твоей оплошности.

- Не преувеличивай, - Анварес отвёл глаза - ему сделалось вдруг стыдно.

Он мог говорить Ларисе что угодно и, строго говоря, он ей даже не врал сейчас. Отношений ведь с Аксёновой никаких нет и не будет.

Однако ощущение было именно такое - будто врал, увиливал, будто его застали врасплох, как воришку, с поличным.

Казалось, Лариса видела его мысли насквозь, догадывалась о том, что его терзает уже не первую неделю, но делала вид, что верит - и это угнетало ещё больше.

36

Следующая неделя оказалась богата на события.

Из хорошего - Анварес узнал, что его очередную монографию приняли к публикации в «Вопросах лингвистики и литературоведения» - серьёзное печатное издание ВАК.

Коллеги на кафедре порадовались, кроме, разумеется, Жбанкова.

Толя Жбанков окончил аспирантуру двумя годами раньше Анвареса, но до сих пор не получилось защитить диссертацию. Да и научных публикаций у него было меньше. Поэтому любые успехи своего молодого коллеги воспринимал болезненно. Завидовал, не скрываясь. При каждом удобном случае высказывал, что Анвареса попросту двигает руководство, как своего любимчика. Вот и всё объяснение его «великого потенциала» и прочих успехов.

Отчасти Жбанков был прав - руководство к Анваресу и правда благоволило: каждый год назначали те же дисциплины, часы не урезали, удобно ставили пары, отправляли участвовать в научных конференциях.

Однако всё, что касалось достижений, то здесь целиком и полностью его заслуга. И это не только ум и прочее, но и годы кропотливой работы. Толя Жбанков эти нюансы в расчёт не брал.

Анварес старался с ним просто не связываться. Считал ниже своего достоинства влезать во все эти дрязги.

Впрочем, при нём Жбанков держал мысли при себе - это за глаза он злопыхал и негодовал от вопиющей несправедливости, а в его присутствии - от силы мог хмыкнуть себе под нос.

Лариса утверждала, что за Толей и раньше водилось такое: кляузничать на коллег, чуть что. Все это знают и при нём лишнее не говорят.

И вот теперь, когда Анварес обошёл его по всем фронтам, она всерьёз боялась, что тот непременно придумает какую-нибудь пакость.

«Он и на солнце пятна найдёт, так что будь с ним, пожалуйста, осторожнее. Для него ведь любой твой успех - это как личное оскорбление», - волновалась Лариса.

Но в этот раз случилось и ещё кое-что - накануне, в выходные, арестовали одного из студентов-пятикурсников. Тот даже успел податься в бега, но его поймали в другом городе.

Это событие взбудоражило весь институт. Поговаривали, что взяли парня за сбыт наркотиков и что к этому причастна ещё одна студентка, дочь бывшего губернатора.

- Мне этого Яковлева даже жалко, - вещал на кафедре Толя Жбанков, но в голосе его отчётливо звучал весёлый азарт и ни малейшего намёка на сочувствие. - Он дурак, конечно. Но, говорят, у него там какие-то серьёзные проблемы в семье были. Деньги срочно понадобились. Я его, конечно, не оправдываю. Но разве это справедливо, что отвечать он будет один? Рубцову-то папаша отмазал, а они с Яковлевым, между прочим, на пару действовали. И если тот ввязался в это не от хорошей жизни, то она... ну, сами понимаете, обычная, испорченная, пресыщенная мажорка.

- Зачем ей это, если она и так не бедствует? - пожала плечами аспирантка Таня.

- Так она сама употребляет, разве непонятно?

Анварес перебирал за столом бумаги, готовясь к лекции у «журналистов» и слова Жбанкова пропускал мимо ушей. Но тут его кольнуло. Тотчас вспомнил эту Рубцову из двести пятой группы. Алёна, кажется. Это с ней Аксёнова демонстративно ушла с прошлого семинара, и он решил, что они подруги.

- А вы, как всегда, в курсе всех последних сплетен, то есть новостей, - усмехнулась Эльвира Марковна, завкафедрой.

- Да нет, - благодушно возразил Жбанков. - В деканате сегодня был. Слышал, как там Изольда выступала в защиту этого наркодилера. Я-то ни у Яковлева, ни у Рубцовой даже не веду. А Захарова обоих знает, как я понял. Да и в курилке студенты болтали.

37

Слова Жбанкова неожиданно озадачили Анвареса. Даже, скорее, не на шутку встревожили.

Неужели Рубцова правда употребляет? По ней не скажешь. Вроде хорошая, скромная, приятная девушка, но много он понимает в наркоманах. Он их и не встречал никогда, наверное.

Но если это так, как утверждает Жбанков, то вдруг и Аксёнова... раз уж они дружат. Вот она как раз и прогуливает, и держится как-то нервно, и учится по всем предметам неважно - он выяснял.

От этой мысли стало совсем нехорошо. И сам себе говорил - ну кто она ему? Никто. Одна из сотен студентов. Так не всё ли равно? Это её родители должны тревожиться, а не он.

Ну а для него - лишний повод принять во внимание, что между ними пропасть, что нельзя о ней даже думать.

Но думалось беспрестанно. И это угнетало. Вдруг он её своими придирками только провоцировал на всякие глупости?

Видел во вторник обеих. Сидели на подоконнике, шушукались. Рубцова выглядела подавленной, увидела его - поздоровалась. Аксёнова выглядела мрачной, увидела его - отвернулась. Ну это уж как всегда.

Знать бы наверняка - было бы проще. Но не подойдёшь же и не спросишь: «Не принимаете ли вы, госпожа Аксёнова, наркотики?». Тупо. А как ещё узнать - неизвестно. Ну не стал кивался он никогда с таким. Эта сторона действительности всегда проходила мимо.

Он даже дома потом загуглил: «Как распознать наркомана?». Но там совсем уж какой-то треш был.

На лекцию в среду Аксёнова не пришла. Это не разозлило, но удручило ещё сильнее, ведь и так на душе было беспокойно.

Однако в пятницу на семинар явилась. Сверлила его взглядом исподлобья всю пару.

Он старательно игнорировал. Даже не спрашивал ни о чём - знал, что всё равно не ответит. Да и сам себе обещал не цепляться к ней больше. В её сторону и не смотрел почти.

Потом она и вовсе натянула капюшон чёрной толстовки и легла на стол. Как же хотелось высказаться! Как же достали эти её показательные выступления. Взять бы её за плечи и встряхнуть как следует. Но Анварес сохранял невозмутимость и делал вид, что не замечает её.

38

После семинара, когда Аксёнова одна из первых, подхватив рюкзак, рванула к двери, как будто её тут держали силой, он попросил на минуту задержаться.

Она послушно вернулась, хотя всем своим видом показывала, как ей не терпится отсюда скрыться.

Анварес жестом попросил подождать, пока остальная группа освободит аудиторию, и лишь потом заговорил. На языке вертелось "Юля", но обратиться к ней по имени он так и не решился. Хотя некоторых студентов он называл по именам, но вот именно с ней, казалось, это будет нарушением субординации.

- Через неделю аттестация, - произнёс он строго, но без агрессии. - Я как должен оценивать вашу работу, если её, по сути, и нет? Вы бы хоть что-нибудь подготовили...

- А какой смысл? - дерзко спросила она, чуть прищурившись. - Если вам всё равно не угодить. Я тогда готовилась, но вам не понравилось.

Последняя фраза у неё прозвучала с какой-то детской обидой, он даже еле сдержал улыбку.

- Потому что нужно было читать произведение, а не критические статьи. Меня интересовало именно ваше мнение. А вы ведь даже перефразировать не удосужились то, что вычитали. Разумеется, мне это не понравилось.

- Откуда я знала, что вас интересует? В школе бы мне пять поставили за такой ответ. А сегодня вы вообще меня не спросили ни разу. Как я, по-вашему, должна показывать свою работу?

- А вы к сегодняшнему семинару подготовились? - изогнул он вопросительно бровь.

Она потупилась, коротко мотнула головой.

- Ну вот видите. И лекции вы пропускаете... Если бы вы посещали и внимательно слушали меня, то знали бы, что я требую от студентов.

Аксёнова смотрела в сторону с безучастным видом и молчала.

- Вы ведь в курсе, что студентов, неаттестованных два раза подряд по одному и тому же предмету, могут отчислить?

Она дёрнула плечом.

Он начал раздражаться - ну как можно быть такой беспечной? Как можно так наплева- тельски относиться к собственному будущему?

- Насколько я знаю, - в его голос незаметно вкрались назидательные нотки, - вы учитесь на бюджете, а, значит, церемониться с вами не будут. К тому же у вас и с остальными дисциплинами проблемы...

Она молчала, но вдруг встрепенулась, вперилась в него немигающим, хмурым взглядом:

- А вы откуда знаете про другие дисциплины? - вопрос застал его врасплох.

Это был прокол. Выяснить-то подобные сведения - не проблема. Дело в другом: Анварес узнавал это у секретаря в деканате намеренно. И это был чистой воды личный интерес. Тогда как его, по идее, интересовать такое не должно. Он ведь не куратор их группы.

Анварес мог бы соврать что-нибудь, ну мало ли? Но он молчал. Смотрел ей в глаза и молчал, чувствуя, что воздух между ними как будто сгущается, становится плотным, осязае- мым, электрическим. Скачками растёт напряжение, отчего даже кожу покалывает. И сердце стремительно набирает обороты, колотясь где-то у самого горла.

Он понимал, что не владеет больше своим лицом и, наверняка, выдаёт себя с потро- хахми. Только об этом сейчас совсем не думалось. Потому что её взгляд и выражение лица тоже изменились. Поперечная складка на переносице разгладилась, губы приоткрылись, и в глазах

явственно обнажилось нечто до боли откровенное и влекущее. И от этого окончательно помутилось в голове. Будто что-то перемкнуло, и он, порывисто выдохнув, неосознанно подался к ней, так и не сводя взгляда.

Она не отступила, замерла в ожидании...

- Здравствуйте, Александр Дмитриевич, - раздалось с порога.

В аудиторию входили девушки из двести четвёртой группы.

Анварес вздрогнул, словно внезапно очнулся. Посмотрел на них в первый миг так, будто не понимал, кто они и зачем тут, но в следующую секунду собрался.

- Добрый день, - голос прозвучал иначе, будто чужой. Какой-то глухой и хриплый.

Он кашлянул, бросил на Аксёнову быстрый взгляд и произнёс торопливо:

- Приготовьте к следующему семинару доклад по любой из пройденных тем на ваш выбор. Всё. Вы свободны.

Последнюю фразу говорил, уже не глядя на неё. И как она вышла - не видел. Сердце успокаивалось чертовски медленно. Да и в голове до сих пор творился хаос - девушки крутились рядом и, как обычно, задавали всякие вопросы, а он никак не мог сосредоточиться и не понимал, о чём вообще они спрашивают.

- Готовьтесь, - велел он им, - я скоро приду.

39

До начала пары оставалось не более минуты, но ему необходимо было выйти. Просто чтобы перевести дух и взять себя в руки. Сунулся в деканат к секретарю - ближайший от аудитории кабинет.

- Вы в порядке, Александр Дмитриевич? - спросила Анечка участливо.

- Да, - буркнул он, набирая себе холодной воды из диспенсера. - В горле просто пересохло. В два глотка выпил весь стаканчик, швырнул его в урну.

- А у меня, между прочим, для вас хорошая новость.

- Ещё одна? - голос по-прежнему звучал слегка надтреснуто.

Секретарь кокетливо хихикнула.

- Роман Викторович сказал, что собирается отправить на симпозиум в Сиэтл именно вас. И Ольга Семёновна вашу кандидатуру поддержала. Решать, конечно, ректору, но раз уж и декан, и директор за вас - то вопрос, считай, решённый. Только я вам, Александр Дмитриевич, этого не говорила. Это пока секрет.

- Спасибо, Анечка, - направляясь к двери, кивнул он секретарю, которая смотрела на него с лёгким удивлением.

- Всегда пожалуйста, - улыбнулась она в ответ.

В аудиторию Анварес вернулся уже серьёзным и собранным. А о том, что случилось или, точнее, чуть не случилось, решил, подумает дома, наедине. Оставит самоистязание на вечер.

И это хорошо, что назавтра была суббота, потому что ночь выдалась мучительная и бессонная. Тот момент с Аксёновой засел в голове накрепко, да и не только в голове, судя по ощущениям.

До сих пор, стоило вспомнить её лицо и взгляд, всё внутри сладко и томительно сжималось. На несколько секунд он позволил себе слабость - сомкнул веки, проиграл заново тот момент в воображении, но на этот раз никто в аудиторию не сунулся, не помешал им.

Он представил, как прижимает её к себе, как целует, как она отвечает на его поцелуй. В фантазиях он вёл себя так, как сроду бы не стал - срывал одежду, эту дурацкую чёрную толстовку, джинсы и, усадив её на стол, творил совершенно безумные вещи. Накрутил в итоге себя так, что перед глазами всё плыло. Возбуждение было настолько мощным, что разрядка наступила почти мгновенно.

Но на смену острому наслаждению пришло беспощадное осознание того, как всё это грешно, как преступно, как извращённо.

Он и чувствовал себя именно так - падшим, порочным. И это убивало. Он не хотел ничего такого. Он ведь просто жил. Занимался любимым делом, строил карьеру, много работал, ставил цели - достигал, ставил новые. Всё в его жизни было размеренно и отлажено, правильно и понятно. А вот то, что творилось сейчас, грозило пустить всё это под откос.

Ведь зайти двести четвёртая группа чуть позже, и разразилась бы катастрофа. Потому что можно себя сколько угодно обманывать, но в тот момент он ничего на свете не хотел так сильно, как поцеловать Аксёнову, сжать её в объятьях, ну и... всё остальное. Хотел так, что дух выбивало и темнело в глазах. В тот момент он совсем себя не контролировал, и это пугало по-настоящему.

Разумеется, был бы скандал. И ещё какой!

Во внутреннем кодексе у них чёрным по белому прописано: никаких близких отношений со студентами. Возможно, за аморальное поведение его и не уволили бы. Внутренний кодекс - это всё-таки не трудовой. И времена сейчас не те. Но на научной карьере можно было бы

смело ставить крест. Да и из института его, скорее всего, выжили бы не мытьём, так катаньем. Имморалистов у них не любили.

Да и был случай не так давно - добровольно-принудительно «уволители» профессора за нечто подобное. Так то - профессор! И всё равно на регалии не посмотрели.

Впрочем, Анварес и сам бы не остался, потому что честь, достоинство и репутация для него не пустой звук. Потому что такие отношения он и сам считал неприемлемыми, и первым порицал такое.

Матери бы тоже наверняка доложили. Хотя она уже три года как не работала в министерстве образования, но связь со многими поддерживала. Так что доброжелатели бы нашлись.

Её реакцию представить несложно. Она бы просто не поверила. Хоть сто человек твердили бы одно и то же. Потому что она всегда безоговорочно верила только ему, единственному сыну, в которого вложила всю себя и которого любила до беспамятства. А потом он бы признался, и тогда бы она...

Нет, такой вариант развития событий недопустим. Потому что на одной чаше весов сиюминутный порыв и сомнительная страсть, а на другой - блестящие перспективы, репутация, будущее и, самое главное, доверие и уважение матери.

К тому же Иван Денисович, тот самый профессор, пострадавший от любви, никак не выходил из головы. Нормальный был мужик, толковый, не вредный. Единственное - падок на женские прелести, хоть уже и староват, вроде, для амуров. Ну а та студентка, с которой его застучали, сразу же к нему охладела. Понятно - во имя зачётки жертвовала юным телом. От этих мыслей стало совсем невыносимо.

А вдруг и у Аксёновой те же мотивы? Ведь она то волком на него смотрит, не здороваётся, хамит, а то вдруг - нате, целуйте меня. Ну так она, конечно, не говорила, но лицо было примерно такое. Плюс - положение у Аксёновой, действительно, бедственное. Весь сентябрь, оказывается, занятия прогуливала. Анечка из деканата сказала, что она и на первом курсе вечно в хвосте плелась, еле сессию закрыла.

Ну а тот эпизод в клубе, хоть и случайный - только подтверждение того, что моральных скреп у этой девицы никаких. Целовать первого встречного - каково? А теперь этот первый встречный так «удобно» оказался ещё и преподавателем.

Поэтому впредь никаких взглядов, никаких непристойных мыслей, никакого нездорового интереса. Ни придинок, ни поблажек, ничего. Его жизнь и жизнь Аксёновой идут параллельно, а параллельные прямые, как известно, не пересекаются.

Приняв твёрдое решение, Анварес даже как-то и успокоился. Зудящее томление в теле смолкло. И в мыслях воцарился порядок. Только в груди всё ещё глухо ныло, как ноет перелом на смену погоды.

40

Следующей после семинара по зарубежной литературе была пара у Изольды. Юлька на несколько минут опоздала - получила короткий втык.

В маленькой аудитории стоял такой холод, что девчонки чуть ли зубами не клацали. Изольда любила вот так: чтоб свежо и прохладно. В первые сентябрьские дни, когда жара ещё не схлынула, она всё время ворчала, прела, потела, обмахивалась какой-нибудь газетой - далеко не каждое помещение института было оборудовано сплит-системой. Зато теперь наслаждалась: открывала створку окна, впуская в кабинет осеннюю хмарь и промозглость. И плевать хотела, что остальные мёрзли и шмыгали носами.

Юлька натянула капюшон толстовки. Изольда снова сказала ей что-то резкое, но на английском. Юлька не поняла и не отреагировала.

- Аксёнова, вам кажется, что вы на вокзале? Что за вид? - повторила она уже по-русски.

- Нет, мне кажется, что я в вытрезвителе, и скоро тут совсем околею.

Одногруппницы сдержанно хихикнули.

- Ну вам-то, конечно, виднее, как оно там, в вытрезвителе, - зашипела Изольда. - Но в таком виде я не позволю сидеть на своих занятиях. Или снимайте свой балахон, или вон из кабинета.

- Да пожалуйста, - хмыкнула Юлька, подбирая рюкзак.

- И имейте в виду, я вас не аттестую, - пригрозила ей в спину Изольда.

Но даже это ничуть не омрачило поющего настроения. Что ей какая-то злобная тётка, когда Анварес, прекрасный, неприступный, недостижимый Анварес, чуть не поцеловал её!

Об этом хотелось думать, но наедине, хотелось вспоминать, проживать тот момент заново, смаковать каждую миллисекунду. Какой взгляд у него был! Вовсе не ледяной, как обычно, не надменный. В глазах у него такая страсть полыхала жгучая, что Юльку и саму кинуло в жар. И даже сейчас, по прошествии времени, стоило воскресить тот момент в памяти, как внутри разливалось звенящее тепло, от которого замирало сердце и голова шла кругом.

Как же всё-таки хотелось уединиться с этими своими мыслями! Но даже дома укромного уголка не найти. Инна, не считая занятий в институте, безвылазно торчала в комнате.

Впрочем, сейчас она Юльку не раздражала. Они даже вполне миролюбиво поболтали. А в выходные устроили вдвоём совместную генеральную уборку в секции. Хотя прежде Юлька нагло уклонялась от подобных обязанностей.

Произошёл, правда, и один неприятный эпизод, когда Юлька, присыпав Пемолуксом ванну, оттирала щёткой пожелтевшие стенки. Сквозь шум воды, она не услышала, что туда же забрёл Егор, почувствовала лишь, когда он положил ей руки на бёдра и прижался сзади. Возможно, это была лишь глупая шутка. Так он утверждал потом. Но в тот момент Юлька юмор не оценила - резко выпрямилась и залепила мокрой, мыльной щёткой ему по лицу. Ещё и выдала нелитературную тираду.

На шум из кухни прибежала Оля.

- Что происходит? Егор! - заголосила она, округлив глаза. За её спиной маячила Инна.

- Да ничего не происходит, - стирая мыльную воду с лица, буркнул Егор. - Чего переполошились?

- Егор, а что у тебя с лицом? Ну-ка, ну-ка... - прищурилась Оля. - Что ты вообще тут забыл? Егор, блин!

- Что Егор? Я что, не имею права в ванную зайти, если мне надо? - вскинулся Егор. - Я просто зашёл, вон носки свои взять, - он махнул рукой на змеевик. - А эта... не знаю, что придумала... набросилась, как бешеная.

- Ах носки взять?! - тут уж взвилась Юлька. - Это теперь так называется? В следующий раз за такие носки я тебе оторву сам знаешь что.

Юлька швырнула щётку в Егора и пулей вылетела из тесного коридорчика, оттолкнув Олю. Инна отскочила сама.

Позже Инна допытывалась, что конкретно произошло.

- Что, прям вот так он к тебе и прижался? Этим самым местом? Кошмар какой! Считаю, у жены под носом... Чем только думал?

- Ой, а чем они все думают? - раздражённо ответила Юлька. - Этим самым местом.

- Ну не все!

Юлька сначала хотела съязвить, догадавшись, что Инна так наивно защищала своего очкарика, но не стала. Улыбнулась вдруг:

- Конечно, не все.

Как странно всё с этим Анваресом. То мысли о нём причиняли боль и вгоняли в хандру, а то вот - стоило его вспомнить, и вся злость испарилась.

Когда легли спать, Юлька вдруг спросила Инну:

- А у тебя в прошлом году кто вёл зарубежку?

Она очень старалась, чтобы вопрос прозвучал небрежно, хотя сердце тут же дрогнуло. И губы сами собой растянулись в улыбке. Хорошо, что темно, и лица её не видно.

- Анварес Александр Дмитриевич, - сонно ответила Инна.

- И как он? - Небрежность давалась всё труднее.

- Ну как... Нормальный, вроде, препод. Ведёт он, конечно, здорово. Но, блин, на экзамене он всю душу из тебя вытряхнет. Если пропускаешь лекции и семинары - вообще фиг сдашь. Отлично у него получить почти нереально. Ну это надо прямо ни разу не пропустить ни одного занятия, и всё, что проходили, знать от и до. Ещё и рассуждать уметь... ну там, почему так, а не этак. Даже я у него только на четвёрку сдала... со второго раза.

Юлька слушала её и улыбалась, глядя в тёмный потолок. А перед глазами так и стоял взгляд его горящий...

41

Понедельник и вторник прошли по ощущениям впустую. Юлька раз двадцать продефилировала по коридору мимо кафедры зарубежной литературы, норовя подглядеть внутрь, а сколько выписала кругов вдоль холла - и не счесть, но ни разу даже мельком не увидела Анвареса. Причём по расписанию у него значились пары у журналистов, но указанная аудитория почему-то была закрыта.

В среду она летела в институт как на самый долгожданный праздник. А перед тем встала с утра пораньше, вымыла на два раза голову, худо-бедно уложила непокорные вихры в подобие каре. Вместо привычной чёрной толстовки надела тонкий облегающий свитер с V-образным воротом, вместо гриндерсов - осенние сапожки на низком каблучке.

- Нормально? - спросила у Инны. Та, жуя булку, что-то промычала и показала большой палец вверх.

Одногруппницы её еле признали. Даже Алёнка, с которой они в последнее время сблизились, изобразила удивление. Однако признала:

- Отлично выглядишь!

Первую пару - историю - Юлька отсидела, как на иголках, а в зал, где всегда проходили лекции Анвареса, шла с бешено колотящимся сердцем. Очень хотелось сесть в первом ряду, но не осмелилась - она же всю пару будет краснеть. Заняла место посередине, но так, чтобы видеть лекторскую кафедру без помех.

Рядом с ней пристроилась Алёна Рубцова. Зашептала:

- Всё-таки ты сегодня какая-то странная.

- А ты вообще всегда странная, - ответила Юлька. Но и сама заметила за собой, что непрерывно теревит в руках то ластик, то карандаш. А ещё каждый пятнадцать секунд проверяет, сколько осталось до начала лекции.

Анварес, между тем, безбожно опаздывал. Юлька напряжённо следила за входом, ожидая, что вот-вот двери распахнутся и войдёт он.

- Да что с тобой? - она почувствовала лёгкий толчок и вздрогнула от неожиданности.

- Что такое?

- Я тебя уже пять раз спросила...

Наконец двери распахнулись, Юлька, замерев, устремила туда взор и... в аудиторию семенившей походкой прошествовала пожилая дама. С высокой, взбитой причёской, на каблучках, в синем бархатном кардигане.

- Добрый день, господа студенты. Зовут меня Эльвира Марковна, и сегодня лекцию по зарубежной литературе проведу у вас я.

По залу прокатился гул. Юлька выронила из рук несчастный ластик. От досады даже в горле запершило. Как же так? Почему? А где он?

Однако спросить такое вслух она бы ни за что не отважилась.

- А что случилось с Александром Дмитриевичем? - к счастью, поинтересовался кто-то из девчонок.

- А вы теперь всегда у нас будете вести?

- Нет-нет, - засмеялась дама, - я бы, конечно, с радостью, но, думаю, Александр Дмитриевич и сам вас, таких красивых, не отдаст. Сейчас у него просто неотложные дела. Надеюсь, он скоро их решит и вернётся к своим любимым студентам.

Вообще-то, дама была приятная и, несмотря на возраст, с огоньком. Но... она не Анварес. И Юлька даже слушать её не могла, не хотела, изнывая от жестокого разочарования. Ну какие у него дела? Его дело - их учить. А если он и к пятнице не вернётся? Она же измучается ждать.

Поймав на себе внимательный взгляд Алёны, Юлька смутилась. Хорошо, что Рубцова такая вся деликатная и не лезет в душу с догадками и расспросами. Однако всё равно следовало взять себя в руки и не киснуть так уж откровенно.

42

Доклад к пятничному семинару Юлька приготовила по Фицджеральду, раз уж из-за его Гетсби тогда получила выволочку.

В этот раз она буквально все силы вложила. К экзаменам сроду так не старалась. Накануне заставила Инну выслушать себя и поспрашивать с пристрастием. Та, конечно, выслушала, но вопросы задавала вяло и всё какие-то детские.

- Ой, такую ерунду он спрашивать не станет. Давай же! - подгоняла её Юлька. - Подумай, к чему ещё он может прицепиться. Ты же у него училась.

- Да кто его знает, - пожимала плечами Инна. - Он что угодно так-то может спросить. Слушай, давай закончим, а? Я уже устала. И мне ещё по английскому уроки делать. А ты и так всё очень хорошо рассказываешь.

- Я не хочу хорошо. Я хочу лучше всех. Так, ещё разок прогоним и будешь делать свой английский.

И Инна покорно слушала, сверяя рассказ с записями.

Однако Анварес и в пятницу не объявился. На этот раз его никто не заменял, просто третью пару поставили вместо первой. Девчонки порадовались, что смогут раньше уйти. А Юлька совсем духом пала.

Она и до этой-то пятницы не то что дни - часы считала. Извелась вся. Увидеть его хотелось до невозможности. Ситуации разные в уме прокручивала, как они встретятся, как посмотрят друг на друга, что скажут. Как она блеснёт ответом своим, как он удивится. Даже мимику его живо представляла...

А его опять нет. До сих пор. И сил терпеть тоже нет. Ожидание её уже измотало всю. А тут ещё и неизвестно, когда появится. Ведь нет ничего хуже неопределённости!

С расстройств Юлька сразу после пары у Изольды поехала в Первомайский к подругам. Те учились с первой смены, так что уже отзанимались и свободны. Можно гулять и развлекаться. Именно этого требовала изнывающая от тоски душа.

Юлька созвонилась с Надей. Предупредила: «Ждите!».

По дороге заскочила в общежитие - переделась в привычные джинсы, любимую толстовку и гриндерсы, с горечью подумав, что со стороны, наверняка, кажутся до смешного глупыми все эти её потуги выглядеть красивее, женственнее, соблазнительнее.

Да и вообще, как-то не гордо это. Всю неделю наряжалась для него, готовилась, учила наизусть - так хотелось впечатлить, а он просто уехал. Или где он там? Интересно, он хоть вспоминает про неё?

Иногда казалось, что тот момент и тот взгляд его она попросту придумала. Таким невероятным всё это оказалось. Ведь кто - он и кто - она!

Но нет! Было. Тут же спорила сама с собой. Он смотрел на неё так, что без слов всё стало ясно. И поцеловать хотел совершенно точно. И поцеловал бы, не сомневалась Юлька, если б не заявили так некстати те девчонки из параллельной группы.

Ну ничего. Всё ещё будет. Главное же, что он к ней тоже равнодушен. Справки про неё наводил, интересовался успехами.

Она ехала в маршрутке и, глядя в мутное, подёрнутое испариной окно, вновь воскрешала в памяти тот эпизод. И невольно улыбалась.

43

Отец позвонил в понедельник рано утром, весь на нервах. Анварес едва успел проснуться и наспех принять душ.

- С мамой плохо! Её в больницу увезли ночью, - задыхаясь, почти кричал он в трубку.
- Что с ней? - тревога мгновенно передалась и ему.
- Криз какой-то. Я ничего не понимаю... Приезжай! Сегодня сможешь выехать?
- Постараюсь.

Мозг работал чётко: взять зарядное устройство, планшет, документы из ящика письменного стола, заехать в институт, оформить краткосрочный отпуск, затем заскочить в банк - снять немного налички, ну и на вокзал. Время сейчас не разъездное, билеты должны быть. Так что, если всё сложится, завтра утром должен быть уже у родителей.

Декан заявление подписал без лишних разговоров. Посетовал, конечно, что только с расписанием будет бардак, но оба понимали, что это ворчание лишь для проформы.

Банк из маршрутного списка выкинул, обналичив часть в банкомате, и отправился прямиком на вокзал. Ларисе позвонил уже по дороге. Хотя мог бы, конечно, заглянуть к ней на кафедру, предупредить лично, но сказал себе, что нет времени. Хотя в глубине души понимал, что вовсе не цейтнот его останавливал. Просто не хотелось с ней видеться последние дни. Он никогда не умел хорошо лгать и притворяться. А то, что творилось сейчас у него на душе, - ей знать не следовало.

С билетами тоже повезло. Взял на ближайший поезд и ждать пришлось всего полтора часа. Место, правда, так себе - боковушка, но зато с разговорами вязаться никто не будет. Эти вагонные знакомства он терпеть не мог.

Время до отправления Анварес скоротал в привокзальной забегаловке, довольно приличной, к счастью. Подкрепился, прикупил в дорогу бутылку с минералкой и журнал.

Журнал так и не открыл, всю дорогу, если не спал, думал о том о сём. Думал о матери, хотя старался раньше времени не отчаиваться. Думал о жизни своей, которая шла по накатанной и всё было хорошо... до последнего времени. Думал о том, как вывернуть снова на привычную колею и не терзаться о том, о чём терзаться бессмысленно.

Это вот тоже неприятно поражало - как бы сильно ни тревожился он за маму, а на ум всё равно то и дело лезла Аксёнова, чёрт бы её побрал.

Отец звонил раз двадцать, как будто это могло как-то ускорить приезд. Но Анварес не раздражался, понимал, что тот почти невменяем. Мать для него всегда была смыслом жизни. Ну и темперамент никуда не денешь. Андалузская кровь давала о себе знать, особенно в такие острые моменты.

Отец его не встречал - Анварес сам попросил. Но когда увидел на пороге сына, горячо обрадовался, точно ребёнок, истосковавшийся сидеть дома в одиночестве.

Сразу поехали в больницу, где их и ошарашили.

- Забирайте, - сказали, - вашу больную домой. С гипертоническим кризом мы здесь не держим. Сейчас давление стабилизировалось. Так что дома лечитесь, дома. Если снова давление скакнёт и препараты не будут действовать - вызывайте скорую.

Отец горячился, ругался, грозился припереть к стенке заведующего отделения вместе со всеми остальными «бесчувственными чурбанами». Заведующий взирал на отца пустым взглядом и невозмутимо объяснял, кого они могут лечить в условиях стационара, а кого - нет.

- Двести на девяносто было, - причитал отец, пока ехали в такси домой. - Двести! И никак не сбивалось. Даже скорая приехала - сбить не могли. А тут, гляди-ка, лечить не могут. Сбили и выпнули домой. Я этого так не оставляю.

- Перестань, Дима, не нервничай, а то сейчас и у тебя криз случится, - улыбалась мама.
- Саша приехал, хорошо же.

44

Всю неделю они с отцом усердно выхаживали мать: делали уколы, давали по часам препараты, варили жидкие супы без грамма соли, мерили давление, фиксируя цифры в блокноте - отслеживать динамику велел врач.

Первые два дня ближе к вечеру мама ещё пугала обоих, когда экран тонометра показывал под двести.

Отец сразу начинал громко паниковать. Анварес тоже тревожился, но старался сохранять спокойствие. Дробил таблетку, давая матери мизерные крупички через определённые промежутки времени.

«Резко снижать давление нельзя, - предупредили в больнице, - иначе можно спровоцировать инсульт».

К выходным криз миновал. Участковый терапевт навывписывал препаратов, которые, сказал, пить нужно теперь всегда. Но успокоил, что, в целом, такой уж опасности нет.

Анварес провёл с родителями ещё понедельник, вторник и кусочек среды - отпуск брал на десять дней. Уговаривал их переехать к нему, они благодарили, но отказывались:

- Ну как мы без нашего сада будем?

Три года назад, когда мама вышла на пенсию, отец на свои сбережения купил дом в городе своего детства. Двухэтажный дом с мансардой и просторным, правда, очень запущенным садом.

Сначала мама не хотела уезжать из большого города, боялась оставлять сына одного, а вот теперь какой-то стал сад ей очень дорог. Они, конечно, его оживили, облагородили. Но это же всего лишь клочок земли, недоумевал Анварес. Даже их хвалёные вишни не плодоносили, только цвели - Сибирь как-никак. Но спорить не стал. Раз им тут нравится, что он мог поделаться?

И если уж откровенно, ему и самому здесь нравилось. Всё это место - и дом с мансардой, и сад, и вся здешняя атмосфера, полная неги и умиротворения - рождало ощущение чего-то вечного и прекрасного. Возможно, и он хотел бы жить так - в доме у реки, коротать вечера в саду, любоваться закатами и рассветами. Но он отдал себя науке, а она - бескомпромиссна и требовала жертв.

Перед отъездом мама нашептала, что очень ждёт внука.

Анварес поморщился.

- С этим придётся подождать. Я не хочу, не готов. У меня защита, какие мне дети, мам?

- Ты можешь защищаться сколько угодно, а с внуком или внучкой будем сидеть мы с отцом. Да и Лариса твоя, она умница, конечно. И она мне очень нравится. Но ей уже двадцать восемь. Время уходит...

- Mam, ты думай лучше о своём здоровье. Это сейчас самое важное, - ушёл он от неудобной темы. - Обязательно выполняй все предписания!

45

Домой вернулся в четверг. Мог не ходить в институт, но наведалься, прикрывшись разными делами. Придумал забрать какие-то бумажки, переговорить с Сумароковым, своим научным консультантом, и всякое по мелочи. В общем, основания нашёл и приехал.

- Ох, Александр Дмитриевич! Вы вернулись, - обрадовалась Эльвира Марковна, когда он заглянул на кафедру. - А ваши студенты уже испереживались все, потеряли вас. Как здоровье вашей мамы?

- Спасибо, сейчас уже всё хорошо.

Удивительно - короткая беседа с завкафедрой, и он тотчас включился в эту жизнь, будто и не уезжал. И все сомнения, что накатывали, пока был у родителей, все крамольные мысли - а не бросить ли всё к чертям и остаться жить там, канули в никуда, будто их и не бывало.

Про переживающих студентов, думал Анварес, она, конечно, загнула. Но ответил ей улыбкой. Всё-таки приятно ощущать себя нужным.

Он ещё побеседовал о том о сём с коллегами, узнал последние новости - к счастью, ничего катастрофического в его отсутствие не случилось - и, взяв кое-какие свои бумаги, решил зайти в деканат, отметитья.

Там и столкнулся с Ларисой.

- Саша? Ты уже приехал? - удивилась она.

- Да, утром.

- А почему не позвонил? Я бы тебя встретила. А ты разве не с понедельника выходишь?

- Вообще - да. Но выйду завтра. Да я просто на минуту заскочил, документы вот забрал, - он потряс пластиковой папкой.

Разговор начал его напрягать, но Лариса продолжала наседать.

- А давно ты здесь?

- Чуть больше получаса.

Вернее было бы сказать чуть меньше часа.

Лариса улыбнулась, но Анварес заметил - ей обидно.

Так и оказалось. Она всё улыбалась и улыбалась, пока они шли вдвоём по коридору из деканата, пока им навстречу попадались студенты и коллеги, но как только остались одни, от её улыбки не осталось и намёка. Лицо исказилось обидой и горечью. Такой Лариса почему-то вдруг показалась ему намного старше своих лет.

- А если бы мы случайно у деканата не встретились, ты бы так и ушёл. Не заглянул, не поздоровался, не позвонил?

- Я бы позвонил, - серьёзно ответил Анварес. - Не сейчас, так вечером.

Лариса качнула головой, отвела взгляд на минуту, потом снова уставилась на него с прищуром.

- Саша, по-твоему, это нормально? Тебя не было почти две недели. Вот ты приехал, зашёл в институт, зная, что и я здесь, но не подумал хотя бы поздороваться со мной...

- Я знал, что ты занята. Да и я зашёл по делу, ненадолго. Вечером я бы тебе позвонил, говорю же...

- Анварес, ты - человек вообще или робот? Тебя не было...

- ... меня не было всего-навсего десять дней.

Лариса устало вздохнула и вновь покачала головой.

- Ладно, я и правда занята. Мне на пару надо. Рада была тебя повидать, - с обидой в голосе сказала она.

От встречи с Ларисой остался на душе неприятный осадок. Он не хотел её обижать. Просто действительно не подумал, что надо непременно к ней зайти - зачем? Ведь вечером они бы и так созвонились.

Анварес спустился на первый этаж.

Как раз закончилась пара, и холл наводнили студенты. С ним здоровались, он машинально отвечал, а сам скользил ищущим взглядом по толпе. Тело изнутри будто вибрировало от лёгкого возбуждения, какое бывает в ожидании волнующего события.

Он озирался по сторонам, всматривался в лица, как вдруг увидел её - Аксёнову. Сунув руки в карманы толстовки, она торчала у стенда с объявлениями. Рядом с ней он заметил Рубцову и ещё какого-то парня. Высокого блондина. Все трое стояли к нему спиной и не видели, с каким напряжением он за ними наблюдает.

Потом блондин приобнял Рубцову, и Анварес облегчённо выдохнул, только тогда заметив, как в груди неприятно сдавило и вот теперь отпустило... Заметил и тут же сам на себя разозлился. Да какая, чёрт возьми, ему-то разница? Аксёнова может быть с кем угодно. Его это вообще никаким боком не касается. Ему на это плевать.

Анварес устремился к выходу. Зачем вообще приходил? Лучше бы дома побыл, ванну бы принял, отдохнул, отоспался - в поезде храпели со всех полок, и он всю ночь слушал нескончаемые рулады. Ну да, поговорил с Сумароковым, с Эльвирой Марковной, но с ними вполне можно было пообщаться по телефону или завтра. Вовсе необязательно было мчаться. И с Ларисой вон поссорился.

«Зачем, зачем? Приходил, чтобы увидеть её, - констатировал зло, словно стараясь себя же ткнуть побольнее. - Потому что воля у тебя, Анварес, ни к чёрту. Нет у тебя никакой воли».

Но вечером он простил себя.

«Ну и ладно. Подумаешь - зашёл повидать. Никакой катастрофы не случилось. И вообще, ничего это не значит. Просто не видел её аж целых десять дней. Увидел - отлегло и всё. Не из-за чего тут, собственно, терзаться. Хотя и глупо, конечно. В пятницу всё равно семинар у двести пятой - уж можно было подождать один день. Просто не подумал...».

46

Юлька страдала - не видела Анвареса почти две недели, которые показались ей бесконечными и невыносимо тоскливыми.

Если бы ещё та последняя их встреча не была настолько волнующей, если бы не перевернула всё в душе в один миг - она бы жила себе и жила. Грустила бы, конечно, жаждала увидеть, но не так! Ведь он внушил надежду и... исчез.

Была даже страшная мысль - вдруг он женился на той своей мышке, и они вместе укатили в какой-нибудь ханимун. И она же не поленилась - отыскала её на сайте института по фотографии, выяснила, что Лариса Игоревна Шубина преподаёт на кафедре лингвострановедения. Сунулась на эту кафедру и аж обрадовалась, обнаружив её там.

Но всё равно Юлька настолько измучилась этим затянувшимся ожиданием, что не вытерпела и разоткровенничалась с Рубцовой. По реакции подруги, правда, поняла, что та и сама, видимо, догадывалась о чём-то подобном.

Алёна не удивилась ничуть, только посмотрела сочувственно и пробормотала:

- Угораздило же тебя...

Юлька дёрнула плечом.

- Почему - угораздило? Вроде не самый плохой вариант.

- Я не о том, - Алёна замялась.

Пытается состряпать какую-нибудь дипломатию, догадалась Юлька и жёстко спросила:

- А о чём?

- Ну он всё-таки преподаватель...

- И что? Хочешь сказать - гусь свинье не товарищ?

- Юль, я не говорю, что ты его недостойна или что-то ещё. Не в тебе дело. Мне кажется, он хоть кому не товарищ. Просто он такой... нет, он классный, конечно, но он на всех смотрит как будто свысока. И вот знаешь, есть поговорка: «Ничто человеческое не чуждо». Так вот ему - чуждо... ну такое ощущение. Короче, к нему вообще, по-моему, невозможно подступить, поэтому я так и сказала.

Юлька чуть было сгоряча не выболтала про то, что едва не случилось после семинара две недели назад. Но, к счастью, вовремя спохватилась и прикусила язык - почувствовала, что не стоит об этом никому говорить.

И всё-таки слова Алёны её задели. А жалость в глазах подруги и вовсе вызвала злость. Много та понимает - что ему чуждо, а что нет!

Настроение, и без того кислое, стало совсем тягостным. Все вокруг шумели, галдели, смеялись, а она лишь мрачно взидала на всеобщий ажиотаж, вызванный грядущим Хэллоуином.

Последние несколько лет на факультете английского языка его отмечали в спортзале под предлогом приобщения к англоязычной культуре. В холле уже и объявление вывесили о том, что в эту пятницу всех ждёт грандиозное шоу.

В прошлом году тоже обещали шоу, а получилась банальная дискотека с выпивкой из-под полы. Единственный культурный штрих - тыквы и метлы в качестве декораций. Ну, некоторые, правда, отнеслись более или менее серьёзно: нарядились в балахоны, колпаки, жуткие маски. Но в целом - обычная студенческая гулянка.

Юлька бы и внимания не обратила на афишу - мыслями она была далеко от всей этой суеты, хотя ещё совсем недавно очень даже любила подобные мероприятия.

Алёна сначала подтянула её к стенду, а потом и уговаривать начала:

- Давай сходим? Смотри - сказано, что будет весело. «Всех, кто явится в костюме, ждёт сюрприз».

- Да хрень какую-нибудь всучат, а ты ходи весь вечер разряженная, как дура.

- Ну, наряжаться и необязательно. Можно и так. Я вот ни разу не бывала на дискотеках.

А одной идти как-то не очень...

- Ни разу? Как такое возможно? - вяло удивилась Юлька.

- Ну... вот так, - пожала плечами Алёна.

- Ты как из монастыря явилась, честное слово. - Юлька криво улыбнулась, потом вздохнула. - Извини, мне что-то не хочется. С Максом своим сходи.

- Ну... Макс, да... Но тут вроде сказано - для студентов факультета английского языка...

- В прошлом году писали то же самое, а явились все, кому не лень. Никто никого не выгонял.

- О, ну это даже хорошо. Но тогда давай всё же с нами? Втроём пойдём. Если не понравится - всегда можно уйти. Да и тебе надо отвлечься. Ну что, идём?

- Привет. Куда это мы идём? - За их спинами неожиданно возник Явницкий. Чмокнул Алёну в висок и уставился на афишу. Беззвучно шевеля губами, прочёл приглашение, потом удивлённо посмотрел на подругу: - Хочешь поучаствовать в этой вакханалии?

Потом взглянул на Юльку, в шутку нахмурился:

- Твоё влияние?

- Между прочим, это я её уговариваю пойти. Ну интересно же! Да и какая вакханалия? Тут ведь будет вечер, не где-то. В спортзале. И потом, гляди, - Алёна ткнула пальцем в нижнюю строчку объявления, - «Организаторы: студсовет под чутким руководством старшего преподавателя Шубиной Ларисы Игоревны». Преподавателя! Старшего!

Юлька вздрогнула, среагировав на знакомую фамилию. Так это "мышка" замутила вакханалию? Тогда это и в самом деле интересно.

- Хорошо, договорились, завтра после пар пойдём плясать, но наряжаться я не буду, - предупредила Юлька.

Алёна обрадовалась, они ещё с Максом что-то говорили, смеялись. Но Юлька уже их не слышала - ей вдруг стало не по себе. Возникло странное дискомфортное ощущение. Так бывает, когда кто-то пристально смотрит тебе в спину. Она даже обернулась, но ничего такого не заметила.

47

Юлька и сама удивлялась - откуда у неё такой жгучий интерес к этой Ларисе Игоревне, да ещё смешанный с резкой неприязнью.

Впрочем, неприязнь-то вполне понятна и объяснима, а вот интерес... По фио она отыскала её и в контакте.

Это была ценная находка, потому что в альбомах Шубиной Юлька нашла несколько фотографий Анвареса и обрадовалась примерно так, как радуется старатель, добывший крупный самородок.

Конечно же, все до единой сохранила себе. Разглядела каждую его чёрточку, причёску, руки, длинные пальцы, одежду.

«Пижон», - с блаженной улыбкой прошептала она.

Правда, было всего два фото, где он один, остальные - с «мышкой», но её можно запросто отчикнуть в редакторе. Не нужна она ей тут.

Вообще-то, Рубцова всё-таки права - он так всегда держится, что на кривой козе к нему не подъедешь. Но в то же время у неё есть кое-какое преимущество - она ему тоже нравится. Юлька это знала, ну или чувствовала. А значит... может быть... Ох, скорее бы его увидеть!

48

Анвареса Юлька встретила ещё в холле, перед первой парой.

Он стоял у подножия лестницы вместе со своей «мышкой» и ещё двумя мужчинами и что-то говорил. Серьёзный, сосредоточенный.

Сердце её тотчас дёрнулось, подпрыгнуло и бешено заколотилось у самого горла.

Он тоже поймал её взгляд, замолк на полуслове. На кратчайший миг лицо его изменилось. Потом Анвареса потрясла за локоть Лариса, он сморгнул и вернул внимание к собеседникам.

Анварес не посмотрел на неё, даже когда она проходила мимо них, даже когда выдавила глухое: «Здравствуйте». Сделал вид, что не видит и не слышит. Зато «мышка» ответила любезно и с улыбкой, а заодно цепким взглядом осмотрела её с ног до головы. Неприятно.

На семинар Анварес явился буквально за минуту до начала пары. Девчонки встретили его радостным гудением, только Юлька молчала, ликуя в душе. Алёна ей многозначительно улыбнулась. Мол, знаем, знаем, ваши чувства.

Анварес, видимо, хорошо отдохнул, потому что никого не допекал, не язвил, ни к чему не придирался. Слово давал тем, кто сам вызывался отвечать. Юлька не вызывалась - он её и не спрашивал. И даже не смотрел на неё. И пусть. Зато она могла вдоволь налюбоваться им.

Сегодня он выглядел чуточку неформально: тёмно-серые брюки без стрелок, белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, ещё и две верхние пуговицы расстёгнуты. И никакого вам галстука, никакого пиджака.

Однако после пары подошла к нему и, пылая, сообщила, что подготовила доклад.

Анварес бросил на неё быстрый взгляд и заметно напрягся. И это его напряжение, исходящее мощными волнами, тотчас передалось и ей. Оно покалывало кожу, поднимало изнутри жар и мелкую дрожь, отзывалось россыпью мурашек вдоль позвоночника. Оно, словно статическое электричество, вздымало волосы на руках и сзади на шее.

Юльке казалось, что если они соприкоснутся, то её неминуемо шибанёт током. И тем не менее до одури хотелось коснуться его, а ещё лучше - чтобы он её сам коснулся. Но Анварес наоборот обошёл свой стол, словно оградившись им от неё. Взял в руки какую-то тетрадь, толстую, большую, похожую на журнал, и глухо спросил:

- А почему вы во время семинара не вызвались ответить?

- Я постеснялась, - честно ответила Юлька.

- Вы? И постеснялись? - он, взметнув чёрную бровь, посмотрел на неё и усмехнулся. - Это просто оксюморон.

Усмешку она проигнорировала.

- И потом, семинар же был по творчеству Кронины, а у меня доклад по Фицджеральду. Как бы не в тему...

Он нахмурился, помолчал с полминуты, затем, глядя в окно, заговорил:

- Сейчас я не смогу вас выслушать, у меня семинар в двести четвёртой. А вот в понедельник давайте встретимся после третьей пары. Зайдёте ко мне на кафедру.

- Хорошо, - промолвила Юлька и вышла из аудитории, практически не дыша, потому что чувствовала спиной его взгляд.

И это чувство было таким явственным, что, даже спустившись в холл, она ощущала жжение меж лопаток.

49

После третьей пары к спортзалу стекался народ. И не только «иностранцы». Пожаловали и «журналисты», и «менеджеры».

На удивление, добрая половина студентов идею с косплеем активно поддержала. Большинство, правда, ограничились масками из магазина ужасов, но некоторые подошли к делу очень творчески. Даже Алёнкин Макс при виде некоторых образов вздрагивал.

Особенно впечатляла правдоподобная до жути "Самара Морган". Да и вообще зомби, вампиры, мумии, медсёстры в окровавленных халатах выныривали порой так неожиданно, что тут и там раздавались вопли, визг и смех.

Весь спортзал оформить, наверное, не хватило времени или усердия, так что украсили паутинами, летучими мышами из бумаги и, традиционно, расписными тыквами только один угол, где восседал ди-джей в маске Франкенштейна, управляя музыкой.

Там же, на сдвинутых столах организовали мини-бар, где наливали в одноразовые стаканчики загадочный ведьминский напиток - обещанный сюрприз для тех, кто явился в костюме.

Находчивые студенты менялись по очереди маской, одной на целую группку, ради стаканчика этого пойла, которое, по словам тех, кто испробовал, «здорово штырит». На разливе, хищно улыбаясь, хозяйничала "Харли Квинн".

В паузах между композициями за микрофон бралась Шубина Лариса Игоревна - Юлька её с трудом, но всё-таки узнала. Та нацепила колпак и балахон и хорошенько загримировалась, но ведьма из неё получилась какая-то нелепая. Больше смешная, чем страшная.

Она что-то вещала, пытаясь организовать толпу, но её мало кто слушал - все уже вошли в весёлый раж и хотели просто, без затей пить и танцевать.

Макса неожиданно приветила шумная компания старшекурсниц. Он подтянул за собой Алёну, та - Юльку.

Девушки угощали вином, от которого Алёна наотрез отказывалась. Юлька кочевряжиться не стала - праздник же. Пропустила за знакомство стаканчик.

Постепенно подходили ещё всякие незнакомые личности. Пили, друг друга подкалывали, обнимались, флиртовали, вспоминали полунамёками только им известные случаи. Алёне всё это веселье было явно не по душе. Юлька тоже заскучала, не понимая чужих шуток и разговоров.

Кто-то обмолвился про Яковлева, и Алёна сразу напряглась, а Макс и вовсе ошетинился. Одна из девушек, пьяная совсем, прищурилась на неё:

- Веселишься? А Дэну сейчас не до веселья...

- Ты рот свой закрой, - зло оборвал её Макс, - а то как бы тебе самой сейчас не взгрустнулось.

Девушка возмутилась, заверещала, понесла всякую околесицу. Максим тоже в выражениях себя не ограничивал, быстро распаляясь. За девушку вступились парни, и перепалка грозила вылиться в потасовку. Поэтому Юлька с Алёной всеми правдами и неправдами оттащили Макса подальше от тёплой компании.

Тот всё равно рвался вернуться и разобраться со всеми, кто не прав.

- Да достали уже! Они будут про тебя всякую хрень нести, а я молчать должен? - негодовал он.

Тут, как нельзя кстати, ди-джей объявил белый танец, врубив «Dragged Down and Out», и Алёна утянула разбушевавшегося Макса за собой, вглубь зала, где медленно кружили парочки.

Юлька решила по-английски смыться. Им и без неё прекрасно, а вот ей быть третьей лишней совершенно не нравилось.

Она, осторожно лавируя, пробиралась на выход. Впрочем, ближе к выходу толпа значительно поредела, так что можно было идти спокойно, не опасаясь, что отдавят ногу или кто-нибудь в угаре налетит на тебя.

Юлька почти дошла до дверей и вдруг замерла на месте. Дыхание тотчас перехватило.

Прямо перед ней, буквально в шаге, стоял Анварес всё в той же белой рубашке с закатанными рукавами и расстёгнутым воротом. Стоял, заложив руки в карманы, и смотрел прямо на неё. Правда, выражения его лица не разобрать - темно.

Кого-нибудь другого в таком полумраке она бы, скорее всего, и не узнала, и вообще не заметила, проскользнула бы мимо и всё. Но его она просто не могла не узнать. Даже если бы здесь сгустилась кремешная мгла, она бы его тогда почувствовала - во всяком случае, сама Юлька была в этом абсолютно уверена.

50

Дорогу он не загораживал, стоял чуть в стороне от двери, но она не могла и с места сдвинуться.

Спустя несколько секунд, оправившись от первого волнения, подумала - как это, наверное, глупо, что она молча стоит перед ним столбом. Глупо и нелепо. Ну почему не прошла мимо? Зачем остановилась? Это, конечно, от удивления, не ожидала она его здесь увидеть, вот и опешила. Но выглядит она теперь определённо по-идиотски. Надо хотя бы что-то сказать, как-то оправдаться...

Не думая, она выпалила первое, что пришло на ум:

- Александр Дмитриевич, можно пригласить вас на танец?

Он ответил не сразу, тоже опешил.

- Я как-то не особо умею... ну хорошо, пойдёмте. Но если отдавлю ногу, не обессудьте.

Он шагнул к ней, взял под руку, и Юлька сразу почувствовала, что сознание у неё поплыло, а там, где его пальцы касаются её локтя - кожу жжёт нестерпимо.

Они не стали отходить от дверей далеко, сделали пару шагов и остановились. Анварес положил ладони ей на талию, и тело её мгновенно наполнилось жаром и дрожью. Обняв его за плечи, она изо всех сил пыталась унять эту дурацкую дрожь и выровнять сбившееся дыхание. Но тщетно. Его близость буквально сводила с ума. Не верилось, что всё это происходит с ней на самом деле. Это же и впрямь немыслимо!

В этом конце зала музыка звучала совсем негромко - что хорошо, поскольку не долбило агрессивно по мозгам, не разрывало перепонки, но и плохо, потому что так их молчание казалось неловким и напряжённым. Возникало ощущение, что его непременно надо наполнить, иначе вся ситуация с этим танцем как будто обретала некую двусмысленность.

Расстояние между ними оставалось не больше пары дюймов и казалось прямо-таки насыщенным электрическими разрядами, отчего кожа вдруг стала сверхчувствительной.

Юлька сомкнула пальцы, случайно коснулась сзади его шеи и тут же уловила судорожный вздох. Он крепче сжал её талию, ближе притиснул к себе, и Юлька задохнулась, почти проваливаясь в упоительную обморочную слабость. А его запах, такой мужской, совершенно лишил разума.

Грудь у него тяжело вздымалась, дыхание, обжигавшее ухо, стало прерывистым. Она вновь, уже чуть смелее, коснулась его шеи, затылка, волос. И снова он рвано, шумно выдохнул, сглотнул, слегка откинул голову назад. Касаться его, ощущать пальцами его горячую кожу, уже само по себе было наслаждением, но реакция Анвареса на эти её прикосновения и вовсе сводила с ума. Сердце разрывалось от переполнявших чувств.

«Как же я люблю тебя», - стучала в голове единственная мысль.

Люблю, люблю...

- Люблю, - вдруг сорвалось с губ прежде, чем она успела опомниться.

Он остановился, замер, застыл.

Юлька чувствовала, как сильно он напрягся, буквально окаменел. Потом склонился к её уху и произнёс:

- Нам нужно поговорить.

Голос его звучал хрипло, будто у него пересохло в горле. И от этой хрипотцы плечи и руки осыпало мурашками.

51

Они покинули спортзал, прошли подальше, в самый дальний неосвещённый конец коридора, чтобы никто случайный не помешал. Анварес остановился у подоконника, встал боком, привалившись к откосу плечом, руки снова сунул в карманы.

Юлька вдруг разволновалась не на шутку, так, что каждый вдох давался с трудом, а сердце прямо бесновалось в груди. На ватных ногах подошла к нему ближе, встала напротив, тоже боком к окну. Для верности опёрлась локтем о подоконник.

Он заговорил не сразу, долго смотрел на неё тяжёлым, тёмным взглядом. Потом отвёл глаза, уставившись в окно, за которым уже сгустилась темнота, щедро расцвеченная уличными фонарями, и спросил:

- Это сейчас... была шутка? - Интимная хрипотца исчезла из его голоса. Теперь он звучал сухо и твёрдо.

Юльке вдруг сделалось нестерпимо стыдно, но тем не менее она ответила честно:

- Нет. Это правда.

Сказала и напряжённо замерла, точно приготовившись к приговору: жить или умереть.

- Жаль, - вздохнул он. Потом нахмурился и посмотрел ей в глаза. - Мне жаль, что так получилось. Так быть не должно. Это неправильно. Это вообще недопустимо. Единственная форма отношений, которая между нами возможна, это преподаватель-студентка. Поэтому, я вас прошу, давайте просто забудем этот разговор, забудем всю эту ситуацию и впредь будем чётко соблюдать субординацию. Я для вас преподаватель и только. Договорились?

Юльке казалось, что её наотмашь ударили, прямо в солнечное сплетение. Там, между рёбрами, нещадно пульсировала острая боль, раздирая когтями внутренности. Боль не давала дышать - воздух словно превратился в крошево битого стекла.

Он склонил голову вбок, глядя на неё озадаченно.

- Вы меня понимаете? Я не хотел вас обидеть. Я даже тронут вашим... признанием, но... вам нужно выкинуть все эти глупости из головы. Не портить ни своё будущее, ни моё.

Каждое его слово отзывалось новой вспышкой боли, точно солью посыпал кровоточащую пульсирующую рану. Но хуже боли были стыд и унижение, выжигавшие её изнутри, как кислота.

- Понимаете? - переспросил он.

Юлька кивнула - на слова сил совсем не осталось.

Будто сомнамбула она развернулась и пошла вдоль по коридору, десять шагов, двадцать, свернула в холл. Стук каблуков по каменному полу отзывался гулким эхом.

На автомате она взяла в гардеробе куртку, вышла на улицу. Тёмное осеннее небо сочилось моросящим дождём, пробрасывало мелкий снег. Под ногами хлюпали бесчисленные лужи - огибать их сил тоже не было. Она и так еле держалась, чтобы не сорваться. Да она и не чувствовала ни холода, ни мокрых ног. Ей казалось, что она сейчас балансирует на краю пропасти, мёртвой бездны, спрыгнуть в которую, в общем-то, даже хочется... отчасти. Чтобы унять боль, унять стыд, чтобы не мучиться, чтобы ничего этого не было, вообще

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.